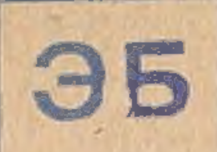
Еруслановъ.
Магометанск.
пропаганда среди
черемис Уфимск.
губ.

ЭБ

2007056200

Магометанская пропаганда среди черемисъ Уфимской губерніи.

(ИЗЪ ЛИЧНЫХЪ НАБЛЮДЕНІЙ).

I.

Мое знакомство съ уфимскими черемисами.—Явные признаки мусульманскаго вліянія на нихъ.—Разселеніе черемисъ въ Уфимской губерніи.

Въ послѣднихъ числахъ сентября 1883 года мнѣ пришлось ѣхать по Мензелинскому тракту до г. Бирска. Къ вечеру 28 числа я прибылъ на послѣднюю станцію между Мензелинскомъ и Бирскомъ, въ черемисскую деревню Чишму. Желая справиться объ училищѣ, гдѣ намѣренъ былъ остановиться, я подошелъ къ одной изъ крайнихъ избъ. Семья черемисина сидѣла за столомъ и по-видимому оканчивала ужинъ. Всѣ мужчины были въ тюбетейкахъ, бабы въ черемисско-татарскомъ костюмѣ; всѣ о чемъ-то громко разговаривали на смѣшанномъ татарско-черемисскомъ языкѣ. На мой вопросъ, гдѣ мнѣ найти училище, сѣдой старикъ-черимисинъ въ засаленной и поношенной тюбетейкѣ указалъ на сосѣдній домъ. Въ это время мальчикъ лѣтъ 6—7, сидѣвшій рядомъ со старикомъ, обратился къ нему по-татарски: „*бабай, нњ сурій?*“ (дѣдушка, что спрашиваетъ?) „*Школа анар керак*“, былъ отвѣтъ. Свободная татарская рѣчь въ устахъ малютки и старика невольно обратила мое вниманіе. Желая вызвать на разговоръ, я обратился къ старику по-черемисски: „дѣдушка, зачѣмъ разговариваете по-татарски? Вѣдь вы, кажется, черемисы“. Вопросъ былъ разслышанъ всѣми; неожиданность его крайне удивила черемисъ: бабы какъ-то глупо улыбнулись, на мужикахъ было замѣтно смущеніе, какъ будто я поймалъ ихъ на чемъ

предосудительномъ. По удивленному взгляду черемисъ нельзя было не заключить, что вопросъ, вполнѣ естественный съ моей стороны, былъ для нихъ не менѣе страненъ, чѣмъ если бы я спросилъ, почему они говорятъ на родномъ языкѣ. Я снова повторилъ тотъ же вопросъ; вмѣсто отвѣта одна изъ пожилыхъ бабъ обратилась ко мнѣ по-черемисски: „ты развѣ черемисинъ?“ Послѣ утвердительнаго отвѣта черемисы, хотя и не особенно охотно, вступили со мной въ разговоръ. Изъ краткой бесѣды выяснилось, что для окрестныхъ черемисъ татарскій языкъ понятенъ также, какъ свой родной, и что въ употребленіи татарскаго языка они не видятъ грѣха. Такое равнодушіе къ родному языку болѣе чѣмъ изумило меня, но я не счелъ нужнымъ продолжать разговоръ на эту тему, тѣмъ болѣе, что въ отвѣтахъ моихъ собесѣдниковъ нельзя было не замѣтить нѣкоторой доли скрытности.

Впослѣдствіи неразъ приводилось мнѣ бывать у этого черемисина; вся семья его относилась ко мнѣ съ полнымъ довѣріемъ; черезъ Изергу (такъ звали черемисина) я сталъ въ близкія отношенія къ его однодеревенцамъ, что̀ еще болѣе давало мнѣ возможности проникать въ ихъ жизнь. Какъ ни важно было для меня довѣріе чишменцевъ, но свѣдѣнія мои однако носили слишкомъ отрывочный характеръ: на многіе, интересовавшіе меня вопросы я не могъ получить прямыхъ и ясныхъ отвѣтовъ. Поэтому за разъясненіемъ многаго для меня непонятнаго я принужденъ былъ обращаться къ помощи учениковъ башкирскаго училища, а впослѣдствіи къ помощи сельскихъ учителей изъ мѣстныхъ инородцевъ. Тѣ и другіе не ограничивались доставленіемъ лишь просимыхъ мной свѣдѣній; они обязательно сообщали мнѣ все то, что, по ихъ мнѣнію, заслуживало особеннаго вниманія. Такимъ образомъ свѣдѣнія мои объ уфимскихъ черемисахъ не только возрастали, но и становились болѣе точными и вѣрными. Послѣ такого предварительнаго знакомства, я сталъ предпринимать поѣздки сначала въ ближайшія деревни, а затѣмъ и въ болѣе отдаленные уголки черемисскихъ поселеній въ Бирскомъ и Мензелинскомъ уѣздахъ. Во время этихъ поѣздокъ я имѣлъ возможность не только провѣрять ранѣе добытыя свѣдѣнія, но и непосредственно знакомиться съ различными сторонами быта черемисъ. Одною изъ

главныхъ цѣлей моихъ экскурсій было опредѣленіе степени преданности мѣстныхъ черемисъ языческой религіи, а также степени вліянія на нихъ окружающаго магометанства въ связи съ средствами пропаганды послѣдняго. Въ отношеніи знакомства съ бытомъ черемисъ я былъ поставленъ въ особенно благопріятныя условія. Владѣя черемисскимъ языкомъ, какъ природнымъ, и татарскимъ, я могъ при всякомъ удобномъ случаѣ заводить разговоръ съ черемисами и татарами, а равно прислушиваться къ ихъ разговорамъ. Отправляясь въ ту или другую деревню, я предварительно черезъ бывшихъ учениковъ Бирскихъ училищъ или сельскихъ учителей наводилъ справки о жителяхъ, ихъ отношеніи къ языческой и магометанской религіямъ, о болѣе или менѣе вліятельныхъ личностяхъ и т. п.

Сообразно съ добытыми свѣдѣніями, я выбиралъ себѣ квартиру, смотря по тому, гдѣ удобнѣе могъ достать нужныя свѣдѣнія.

Въ первое время мнѣ казалось, что Уфимскіе черемисы отличаются отъ своихъ Казанскихъ и Вятскихъ собратій только одеждою и діалектическими особенностями въ языкѣ. Я представлялъ ихъ если не самыми ревностными язычниками, то всё-таки твердыми исполнителями обрядовъ своей религіи. Но чѣмъ ближе знакомился съ ними, тѣмъ сильнѣе долженъ былъ разубѣждаться въ своихъ взглядахъ, тѣмъ яснѣе и отчетливѣе выступала разница между восточными и западными черемисами. Дѣйствительно, трудно указать на какую-либо сторону ихъ быта, которая не носила бы явныхъ слѣдовъ не только вліянія, но и прямо заимствованія у сосѣдей-магометанъ. Оно и понятно. Черемисы, въ продолженіи длиннаго періода времени, жили по сосѣдству съ магометанами (сначала съ болгарами, потомъ съ татарами) и даже въ зависимости отъ нихъ. Подобное сожительство не прошло безслѣдно для внѣшняго и внутренняго ихъ существа. Всматриваясь въ жизнь сосѣдей, они заимствовали многое, что не шло въ разрѣзъ съ ихъ образомъ жизни, привычками и понятіями, и вслѣдствіе этого во всемъ строѣ ихъ жизни издавна образовался цѣлый рядъ постороннихъ наслоеній. Съ паденіемъ Казанскаго царства и утвержденіемъ русскихъ среди черемисъ, западная

отрасль послѣднихъ, можно сказать, навсегда освободилась отъ влiянiя магометанства. Совершенно противоположныя послѣдствiя въ смыслѣ огражденiя самобытности имѣло удаленiе восточныхъ черемисъ въ Башкирiю, сдѣлавшуюся со временъ взятiя Казани главнымъ центромъ ревнителей вѣры Магомета. Въ новомъ краю черемисы заняли сѣверо-западный уголъ нынѣшней Уфимской губернiи, пространство между рр. Камой, Бѣлой и Уфой. Отсюда, они разсѣялись и на сѣверо-востокъ и на юго-западъ; въ первомъ направленiи они заняли незначительные притоки Таныпа, Биря и Уфы (правые притоки Бѣлой), частью отдѣляясь въ сосѣднiй Красноуфимскiй уѣздъ Пермской губ.; во второмъ—захватили нынѣшнiе 1-й станъ Мензелинскаго уѣзда, 4-й станъ Бирскаго уѣзда, 3-й и 4-й станы Белебеевскаго уѣзда, Кромѣ того, незначительная часть ихъ проникла далѣе къ югу (2-й и 4-й станы Уфимскаго уѣзда и крайнiй сѣверъ Стерлитамакскаго уѣзда). На всемъ этомъ пространствѣ они не представляли сплошнаго населенiя; за исключенiемъ сѣверо-западной полосы губернiи по р. Камѣ, куда въ скоромъ времени проникли русскiе, преимущественными сосѣдями черемисъ были, какъ и теперь, магометане-башкиры и татары. Имѣя съ послѣдними общiя черты въ образѣ жизни, въ строѣ семейныхъ и общественныхъ отношенiй, въ религiозныхъ взглядахъ и убѣжденiяхъ, черемисы тѣснѣе сплотились съ обитатателями края; часть ихъ омагометанилась и вмѣстѣ съ другими инородцами вошла въ особую смѣшанную племенную вѣтвь, извѣстную подъ именемъ *тептярей*, которые въ настоящее время по языку и религiи нисколько не отличаются отъ татаръ. Есть основанiе предполагать, что это слiянiе происходило при условiяхъ, близкихъ къ нынѣ наблюдаемымъ. Въ настоящее время мы видимъ, что инородцы, въ томъ числѣ и черемисы, сильнѣе всего поддаются влiянiю магометанства тамъ, гдѣ они или составляютъ ничтожное меньшинство въ сравненiи съ массой магометанъ или — гдѣ возникало сожительство магометанъ и язычниковъ въ одномъ и томъ же селенiи. Преобладанiе магометанскаго населенiя надъ черемисскимъ имѣетъ мѣсто главнымъ образомъ въ Мензелинскомъ и Белебеевскомъ уѣздахъ. Здѣсь, рядомъ съ татаро-башкирскими

или тептярскими селеніями, нерѣдко встрѣчаются селенія съ смѣшаннымъ черемисско-татарскимъ или черемисско-башкирскимъ населеніемъ, начиная съ селеній съ 2—3 татарскими дворами и кончая селеніями, въ которыхъ черемисы уже составляютъ меньшинство.

II.

Смѣшанныя селенія, какъ условіе наиболѣе благопріятствующее мусульманскому вліянію на черемисъ.

Смѣшанныя селенія играютъ весьма важную роль, какъ первые проводники магометанства въ инородческую среду; поэтому образованіе и дальнѣйшая ихъ судьба заслуживаютъ особеннаго вниманія. Живыми и наглядными примѣрами могутъ служить деревни Каракулино [1]) (Мензел. у.) и Новая Ямурзина (Бирскаго у.). Черемисская Каракуль основана въ XVII в. выходцами черемисами изъ Вятской губ. и со всѣхъ сторонъ окружена татарскими и башкирскими селеніями. Жители этой деревни въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія были православными, писались и назывались старо-крещеными черемисами, ходили въ черемисскомъ костюмѣ; многіе изъ нихъ понынѣ состоятъ въ родствѣ съ крещеными черемисами Сарапульскаго и Елабужск. уу. (Вятск. губ.), хотя уже и прекратили съ ними всякія родственныя отношенія. Лѣтъ 30—40 тому назадъ нѣсколько семействъ отпало въ магометанство при руководствѣ къ тому тайно принявшаго магометанство, окончившаго курсъ въ удѣльномъ училищѣ, черемисина Михаила по прозванію „Черный мешеръ", который и принялъ на себя обязанности муллы. По смерти его, въ качествѣ негласнаго муллы въ Каракули поселился башкирецъ деревни Ильтемировой. Вскорѣ нѣкоторые изъ обратившихся въ магометанство разселились по татарскимъ и башкирскимъ деревнямъ, вмѣсто нихъ въ Каракуль переѣхали на постоянное жительство татары въ числѣ 6 дворовъ. Время сблизило и сплотило татаръ и черемисъ; нынѣ Каракулинцы по внѣшнему виду

[1]) По списку населенныхъ мѣстъ Уфим. губ., изд. Центральн. Статистич. Комитета, стр. 130 невѣрно помѣчена русскимъ селеніемъ.

и языку „оборотились“ въ татаръ; какъ мужчины, такъ и женщины носятъ татарскій костюмъ, исполняютъ всѣ магометанскіе обряды, въ житейскомъ быту руководствуются предписаніями корана и шаріата; рѣдкій кто изъ подростающаго поколѣнія знакомъ съ роднымъ языкомъ; черемисы женятся на татаркахъ и сами выдаютъ за татаръ своихъ дочерей. Такъ совершается сліяніе черемисъ съ татарами; пройдетъ, можетъ быть, 10—15 лѣтъ — о существованіи черемисъ, нынѣ уже съ гордостью называющихъ себя мусульманами, останется одно лишь смутное воспоминаніе. — Не менѣе яркій примѣръ превращенія смѣшаннаго селенія въ татарское [1]) представляетъ деревня Новая Ямурзина. Сосѣдняя съ нею Старо-Ямурзина по преданію считается однимъ изъ древнѣйшихъ черемисскихъ поселеній среди башкиръ. Нѣсколько человѣкъ изъ предковъ нынѣшнихъ Старо и Ново-Ямурзинцевъ породнились съ башкирами, черезъ нихъ усвоили магометанскіе обычаи, приняли обрѣзаніе, стали посѣщать мечеть. За отступничество отъ прадѣдовскихъ обычаевъ они получили прозвище „обрѣзанныхъ собакъ“, принуждены были переносить насмѣшки, издѣвательства, нерѣдко и насилія. Потомки омагометанившихся черемисъ, воспитанные въ новой религіи, при помощи со стороны богатыхъ башкиръ деньгами, лѣсомъ и проч., основали въ 2-хъ верстахъ выселокъ, названный ими Ново Ямурзинымъ. Такъ какъ они оффиціально считались язычниками, то и не могли добиться разрѣшенія на постройку мечети, о чемъ особенно усердно хлопотали окрестные магометане, въ видахъ утвержденія выселенцевъ въ новой религіи и совращенія старо-ямурзинцевъ. Но настойчивые и твердые въ преслѣдованіи своихъ цѣлей, магометане не остановились на полпути. Для пріобрѣтенія права на постройку мечети и открытіе прихода съ опредѣленнымъ по закону количествомъ душъ, нѣсколько семействъ башкиръ однообщественниковъ сосѣднихъ деревень, по совѣту единовѣрцевъ, переселились въ Ново-Ямурзину. Такимъ образомъ рядомъ съ черемисскимъ поселеніемъ возникла смѣшанная черемисско-башкир-

[1]) Въ послѣдующемъ изложеніи я не различаю татаръ и башкиръ, такъ какъ послѣдніе настолько сильно смѣшались съ первыми, что по языку и внѣшнему быту нисколько не отличаются отъ татаръ.

ская деревня. Въ ней въ первое время большинство жителей состояло изъ черемисъ; нынѣ, съ ежегоднымъ увеличеніемъ башкиръ, уменьшается число черемисъ, да и тѣ мало чѣмъ отличаются отъ магометанъ. Деревня стала вполнѣ башкирской, имѣетъ мечеть съ начальнымъ при ней училищемъ (мектэбе), которыя также усердно посѣщаются черемисами, какъ и башкирами-магометанами. Эти примѣры не единичны. Можно указать на многія другія магометанскія селенія, образовавшіяся изъ смѣшанныхъ деревень путемъ сліянія входящихъ въ нихъ народностей языческаго и магометанскаго вѣроисповѣданій. На процессъ превращенія смѣшанныхъ селеній въ татарскія съ черемисскими названіями указываютъ и мѣстныя преданія. Такъ, въ Мензелинскомъ у. деревня Сармашева (татарская, выговаривается Сярмыш-аулъ= черемисская деревня) и Булякова (тептярская), по словамъ старожиловъ, были населены черемисами, лѣтъ 50—60 тому назадъ въ каждой изъ этихъ дерев. оставалось по 3—4 черемисскихъ двора; въ настоящее же время о предкахъ черемисъ указанныхъ деревень свидѣтельствуетъ развѣ типъ жителей, дѣйствительно сильно напоминающій черемисъ, а также незначительныя въ сравненіи съ окрестными татарами, различія въ костюмѣ. Въ Бирскомъ уѣздѣ подобная же судьба постигла селенія Иликово, Кадырметево, Маты и др., бывшія нѣкогда черемисскія деревни, жители которыхъ издавна отрекаются отъ какой-либо связи съ черемисами.

Общее число смѣшанныхъ селеній не постоянно; оно прогрессивно увеличивается на счетъ черемисскихъ или другихъ инородческихъ деревень. За послѣднія 20—30 лѣтъ такихъ селеній въ одномъ Бирскомъ уѣздѣ возникло не менѣе 8—10. Условія, при которыхъ они возникаютъ, повсемѣстно болѣе или менѣе одинаковы: въ нихъ магометанскій элементъ въ началѣ является въ незначительномъ числѣ,—основываются 2—3 двора. Проходятъ годы, магометанское населеніе увеличивается частью путемъ перекрестныхъ браковъ, частью выселенцами изъ сосѣднихъ магометанскихъ деревень. Одновременно съ возникновеніемъ сожительства двухъ національныхъ элементовъ въ одномъ и томъ же селеніи и культурное воздѣйствіе магометанъ на язычниковъ на-

чинаетъ сказываться сильнѣе. Черемисы по немногу забрасываютъ костюмъ, обычаи; они заимствуютъ вмѣстѣ съ религіей не только вкусы и привычки магометанина, но и языкъ. Обособляясь отъ своихъ единоплеменниковъ—язычниковъ складомъ физическимъ, складомъ своего ума, особенностями характера и быта, они дѣлаются магометанами со всѣми свойственными последнимъ качествами—слѣпою ненавистью ко всему немусульманскому, строгостью въ исполненіи мелочныхъ обрядностей, лицемѣріемъ, ханжествомъ и проч. Такимъ образомъ въ смѣшанныхъ селеніяхъ черемисы постепенно сливаются съ магометанами и самыя селенія въ концѣ концовъ превращаются въ магометанскія съ мечетями и школами при нихъ.

III.

Распредѣленіе мѣстности, населенной черемисами, по степени подчиненія ихъ мусульманскому вліянію. Измѣненія на татарскій ладъ во внѣшней обстановкѣ и костюмѣ черемисъ.

Территорія, занимаемая черемисами въ Уфимской губ., въ отношеніи степени вліянія на нихъ магометантства, представляется въ видѣ трехъ концентрическихъ круговъ; изъ нихъ центральный, обнимающій Кутеремскую волость и часть Черауловской и Касевской волостей, почти исключительно населенъ черемисами; густота и сплоченность способствовала большему сохраненію ихъ самобытности въ отношеніи религіозныхъ представленій, типа и языка; вліяніе магометанъ, только изрѣдка попадающихся на этомъ пространствѣ, отразилось лишь на нѣкоторыхъ сторонахъ внѣшняго быта. Бытъ и обстановка черемисъ, населяющихъ кругъ селеній, смежныхъ съ названными волостями, въ существенныхъ чертахъ складывается подъ вліяніемъ сосѣдей—русскихъ, татаръ и башкиръ. Въ Касевской волости черемисы живутъ бокъ о бокъ съ русскими и нерѣдко въ одномъ и томъ же селеніи; принятіе большинствомъ ихъ православія и сосѣдство русскихъ оказываютъ благотворное вліяніе не только на нихъ, но и на язычествующихъ черемисъ. Среди послѣднихъ

не говоря уже о крещеныхъ, замѣтно влеченіе ко всему русскому; тутъ и бѣлыя русскія избы и то же внутреннее убранство, что и у русскихъ; русскія слова слышатся чаще; въ костюмѣ замѣтно подражаніе русскимъ, семейный бытъ и отношенія обставлены также на русскій ладъ. Въ болѣе южныхъ и восточныхъ волостяхъ Бирскаго узд. смѣсь татарскаго съ черемисскимъ въ языкѣ, утвари, частью въ религіозныхъ понятіяхъ составляетъ отличительную черту черемисъ. Большинство мущинъ, особенно изъ молодыхъ, брѣется, носитъ тюбетейки, татарскіе камзолы; хотя знакомство ихъ съ магометанской религіей можно сказать ничтожное, но за то они обладаютъ значительнымъ запасомъ знаній легендарныхъ, дающихъ имъ достаточныя свѣдѣнія изъ области чужой религіи. Эти черемисы по степени усвоенія элементовъ татарско-магометанской жизни занимаютъ середину между прикамскими сородичами и единоплеменниками области расположенія смѣшанныхъ селеній. Послѣдняя занимаетъ большую часть площади Бирскаго уѣз., по обѣимъ сторонамъ рр. Бѣлой, Танына, Биря и населенныя черемисами мѣстности Мензелинскаго, Белебеевскаго и Уфимскаго уу.; на этомъ пространствѣ живетъ до 70% черемисъ изъ общаго количества племени въ предѣлахъ губерніи. Здѣсь широкой волной вливаются татарско-магометанскіе элементы въ жизнь черемисскаго народа. Вмѣсто правильно расположенныхъ селеній прикамскихъ черемисъ съ красивыми русскими избами, нерѣдко съ щеголеватой рѣзьбой карнизовъ, ставень, чаще и чаще встрѣчаются деревни съ низенькими, грязными, небрежно построенными избами, напоминающими татарскія или башкирскія. Если бы не рощи (кереметн и мѣста общественныхъ жертвоприношеній), возвышающіяся около каждой черемисской деревни, то трудно было бы сказать, какая деревня — татарская или черемисская. Внѣшнему виду избы вполнѣ соотвѣтствуетъ и внутреннее убранство, во многомъ напоминающее обстановку татарской избы. Черемисская изба, какъ и ея прототипъ, состоитъ изъ 2 половинъ — чистой и грязной. Чистая половина занавѣской „чаршау", какъ у магометанъ, раздѣляется на 2 части — мужскую и женскую; въ обѣихъ половинахъ избы нѣтъ другой мебели, кромѣ широ-

кихъ во всѣ переднюю стѣну наръ, покрытыхъ войлокомъ и съ грудой подушекъ въ ситцевыхъ или холщевыхъ наволокахъ изъ любимыхъ татарами яркозеленыхъ и желтыхъ цвѣтовъ. Въ такой избѣ непремѣнно красуется, смотря по зажиточности хозяина, 2—3 кумгана, необходимые магометанину для ежедневныхъ омовеній, черемисину же совершенно не нужные; онъ ихъ часто пріобрѣтаетъ, какъ и многое другое, изъ желанія имѣть въ своей домашней обстановкѣ все то, что сближаетъ его съ татариномъ. Длинная холщевая рубаха съ широкимъ откиднымъ воротникомъ, чапанъ татарскаго покроя изъ бѣлой или синей сукманины, камзолъ, тюбетейка, татарская шапка или шляпа, бритыя губы и подбородокъ вполнѣ превращаютъ черемисина области расположенія смѣшанныхъ селеній въ татарина. Только изрѣдка встрѣчаются единичныя личности изъ пожилыхъ стариковъ, не поддающіяся общему увлеченію татарскимъ костюмомъ, въ особенности тюбетейкой. Хотя они по обычаю и брѣютъ головы, но тюбетеекъ не носятъ, считая ихъ за необходимую принадлежность только магометанъ. Масса населенія оказываетъ на подобныхъ личностей подавляющее дѣйствіе, имъ часто приходится становиться въ противорѣчіе между собственнымъ убѣжденіемъ и требованіями общепринятыхъ условій внѣшняго быта и костюма. Не желая съ одной стороны поступиться своимъ, и съ другой рискуя быть осмѣянными какимъ-либо встрѣчнымъ татариномъ, а то, можетъ быть, своимъ же братомъ черемиссомъ, они надѣваютъ тюбетейку, когда предстоитъ встрѣча съ татариномъ и прячутъ въ пазуху, когда минуетъ надобность.

Татарскій костюмъ и тюбетейка съ каждымъ годомъ распространяются все болѣе и болѣе; даже въ такихъ мѣстахъ, какъ Касевская и Кутеремская волости, гдѣ черемисы менѣе всего подвержены вліянію татаръ въ отношеніи внѣшняго быта и костюма, въ послѣднее время тюбетейка начинаетъ становиться необходимою принадлежностью семьи; здѣсь въ обыкновенное время рѣдко кто носитъ тюбетейку, на свадьбу же и въ гости многіе являются въ дорогихъ, вышитыхъ серебромъ, тюбетейкахъ. Среди всеобщаго перениманія татарскаго костюма исключеніе составляютъ лишь женщины; онѣ, какъ элементъ болѣе консер-

вативный, большею частью сохранили основныя формы обще-черемисскихъ, вышитыхъ по груди и подолу бѣлыхъ рубахъ, удержали типъ головныхъ уборовъ. Впрочемъ, въ позднѣйшее время вліяніе татаръ начинаетъ сказываться и на костюмѣ женскаго пола, особенно изъ молодого подростающаго поколѣнія; взамѣнъ вышитыхъ рубахъ и бѣлыхъ зилановъ съ борами женскія рубахи татарскаго покроя съ высокими оборками и длинными широкими рукавами, казинетовые зиланы съ позументами и галунами постепенно входятъ въ моду. Заимствованіе одного костюма непремѣнно влечетъ за собой перениманіе и другого; такъ съ женской татарской рубахою головной уборъ замужнихъ черемисокъ „шина шовычо" не гармонируетъ, поэтому постепенно выходитъ изъ употребленія и замѣняется или платкомъ, или башкирско-татарскимъ „шарпаномъ", а у болѣе достаточныхъ и шелковыми колпачками. Дѣвушки почти перестаютъ носить бѣлыя рубашки и кафтаны, головные уборы, украшенія шейныя и грудныя цѣликомъ заимствуются отъ татарокъ; платки замѣняются или „часпаками" (узкая головная повязка съ позументомъ и бахромой), представляющими собой видоизмѣненіе шелковыхъ колпачковъ татарокъ или „такьей"—въ родѣ татарской тюбетейки съ нанизанными мелкими серебряными монетами.

Пренебреженіе національнымъ костюмомъ имѣетъ болѣе важное значеніе, чѣмъ кажется съ перваго взгляда, такъ какъ съ нимъ связаны религіозные взгляды черемисъ; по вѣрованію ихъ, самъ Богъ черезъ разные случаи и знаменія указалъ на ихъ костюмъ, какъ на угодную Ему одежду; поэтому въ былыя времена заимствованіе чуженароднаго костюма считалось за отступничество отъ прадѣдовской вѣры и обычая; ревнители старины и блюстители чистоты вѣры отцовъ нерѣдко воздвигали гоненія на цвѣтныя фабричныя ткани, ситцевыя рубахи, камзолы, тюбетейки, сапоги, башмаки и проч.

Ясно, что легкое перениманіе костюма свидѣтельствуетъ о томъ, что устои старо-черемисскихъ вѣрованій расшатаны въ самомъ основаніи; заимствуя костюмы, черемисы поступаются древне-языческими взглядами въ пользу проникающаго во всѣ стороны ихъ жизни магометанства.

IV.

Усвоеніе черемисами татарскаго языка.—Распространеніе между ними татарскихъ легендъ, пѣсенъ и другихъ произведеній, а вмѣстѣ съ ними мусульманскихъ понятій и вѣрованій.

Заимствованія бытовой обстановки и костюма, сглаживая внѣшнія племенныя отличія, подготовляютъ почву для сближенія черемисъ съ татарами и предрасполагаютъ ихъ къ воспріятію и проявленій духовной дѣятельности магометанъ—языка, вѣрованій и обычаевъ. Языкъ не застрахованъ отъ внѣшнихъ вліяній; онъ также, какъ и народъ, не отличается устойчивостью; отражая въ себѣ всѣ измѣненія въ судьбѣ народа, онъ подвергается быстрымъ и значительнымъ перемѣнамъ; и на языкѣ восточныхъ черемисъ могущественнымъ образомъ сказалось вліяніе татарскаго языка; принятіе новыхъ звуковъ для новыхъ понятій, усвоеніе фонетическихъ и грамматическихъ особенностей сближаетъ черемисскій языкъ съ татарскимъ до значительнаго сходства обоихъ языковъ. Неудивительно поэтому, что черемисы отъ мала до велика отлично говорятъ по-татарски. Дитя, съ младенчества слыша отъ взрослыхъ рѣчь, пересыпанную татарскими словами, оборотами и образными выраженіями, въ одинаковой степени усваиваетъ элементы обоихъ языковъ. Безсознательно замѣняя въ своей рѣчи черемисскія слова татарскими и на оборотъ, онъ свыкается съ тѣмъ взглядомъ окружающихъ, что между обоими языками разница незначительна и несущественна. Такимъ образомъ одна изъ самыхъ важныхъ и характерныхъ особенностей всякой народности—языкъ стирается и этимъ путемъ подготовляется полное сліяніе двухъ народностей.

Среди черемисъ Белебеевскаго, Мензелинскаго, Уфимскаго, частью и Бирскаго у.у. (по теченію р.р. Бѣлой и Таныпа) татарскій языкъ давно уже завоевалъ полное право гражданства, сталъ обще-семейнымъ разговорнымъ языкомъ, т. е. черемисы утеряли одно изъ существенныхъ условій своей народности—языкъ. Послѣдствія усвоенія черемисами татарскаго языка громадны; прежде всего оно способствуетъ быстрому распростране-

нію среди нихъ устныхъ произведеній татаръ—пѣсенъ, сказокъ, легендъ, стиховъ и проч. Такъ какъ магометане неизмѣнно воспитываются въ однихъ и тѣхъ же началахъ и всѣ стороны своей жизни и духовной дѣятельности пріурочиваютъ къ цѣлямъ и правиламъ своей вѣры, то черезъ устныя ихъ произведенія естественно прививаются черемисамъ религіозныя, нравственныя и умственныя представленія магометанъ. Изъ видовъ устныхъ произведеній особенно широко распространены среди черемисъ татарскія пѣсни; пѣніемъ ихъ сопровождаются многіе обряды, какъ напр. свадебные, похоронные, поминальные и проч. Не говоря о смѣшанныхъ селеніяхъ, гдѣ татарскія пѣсни вошли въ плоть и кровь черемисъ, увлеченіе татарскими пѣснями даже въ такихъ мѣстахъ, какъ указанныя выше Кутеремская и Касевская вол., доходитъ до того, что черемисы свои народныя пѣсни нерѣдко перекладываютъ и поютъ по-татарски. Особенною симпатіей черемисъ пользуются такмаки—пѣсни любовнаго, и еще болѣе скандалезнаго содержанія, распѣваемыя черемисскою молодежью. На вопросъ, почему черемисы поютъ татарскія пѣсни, когда у нихъ есть свои собственныя, всегда получается одинъ отвѣтъ: „по-татарски пѣть легче и складнѣе". Что это, какъ не чистосердечное предпочтеніе чужаго языка родному?

Языческая религія черемисъ состоитъ въ обоготвореніи силъ и явленій природы подъ формою духовъ и почитаніи предковъ. Черемисы не въ состояніи дать яснаго отчета въ своихъ вѣрованіяхъ, такъ какъ ихъ религія не имѣетъ точныхъ и опредѣленныхъ положеній. Выражая сущность своего религіознаго сознанія и вѣрованій обрядами и легендами, они одинаково относятся и къ легендамъ и обрядамъ магометанской религіи, такъ какъ послѣдніе, при своей простотѣ и несложности, въ религіозные взгляды и убѣжденія черемисъ все-таки вносятъ нѣкоторую ясность и отчетливость. При посредствѣ магометанскихъ легендъ съ именами Адама, Евы, Авраама, Юсупа (Іосифа), Мусы (Моисей), Айсы (Гайса, Іисусъ), Магомета черемисы усвоили многія магометанскія представленія; языческія понятія ихъ переплелись и перепутались съ магометанскими; языческія божества, какъ благодѣтельныя, такъ и враждебныя, стали замѣ-

няться магометанскими; мѣсто Азрена (по старо черемисскому представленію младшій братъ Бога) занялъ магометанскій *Иблисъ* (Эвлес); помощникъ Бога, исполнитель его порученій и предопредѣлитель судьбы человѣка „Пуйршо Юмо“ превратился въ Азраила; мѣсто одного ангела, посылаемаго человѣку въ день рожденія для храненія и защиты отъ всего нечистаго, заняли два ангела, наставляющіе на добрыя (онъ помѣщается на правомъ плечѣ) и худыя (на лѣвомъ плечѣ) дѣла; прежде „Кӱдӱрчӧ Юмо“ (богъ грома и молніи) чистымъ и священнымъ огнемъ (молніей), исходящимъ изъ его рукъ, очищалъ воздухъ: нынѣ онъ имъ поражаетъ злого шайтана; прежде падающіе аэролиты свидѣтельствовали о прекращеніи земнаго существованія человѣка; теперь Богъ и добрые ангелы, стражи его величія, поражаютъ мелкихъ духовъ „джиновъ“, дерзающихъ подслушивать бесѣды Бога съ ангелами и пророками. Легенды широко распространены среди черемисъ; онѣ большею частью представляютъ передѣлку, сообразно съ духомъ и характеромъ татаръ и башкиръ, магометанскихъ сказаній съ поучительною цѣлью; онѣ содержатъ въ себѣ свѣдѣнія изъ жизни Магомета и его потомковъ, возвышаютъ личность основателя религіи, разсказываютъ о святыхъ и ихъ подвигахъ. Легенды пользуются большимъ довѣріемъ черемисъ; на всякій житейскій случай любой черемисинъ можетъ привести 2—3 легенды и изъ фразъ или словъ онъ сдѣлаетъ нравственный выводъ и приложеніе къ жизни. Такимъ образомъ легенды, предлагая черемисамъ уроки магометанскаго вѣроученія, замѣняютъ основную книгу магометанства „коранъ“; сближая язычниковъ съ магометанами на почвѣ религіозныхъ взглядовъ и понятій, онѣ способствуютъ совращенію черемисъ въ магометанство. Такую же роль играютъ такъ называемые „Муназяфъ“—духовные стихи, распространяющіеся главнымъ образомъ изъ Средней Азіи. Муназяфъ, какъ и легенды, содержаніе свое заимствуютъ изъ магометанскихъ сказаній, житій святыхъ и ветхозавѣтной исторіи. Въ этихъ стихахъ, распѣваемыхъ монотоннымъ мотивомъ, рѣшаются вопросы о происхожденіи міра, о первенствѣ и будущемъ господствѣ магометанской религіи, объ ожидаемыхъ обновителяхъ магометанства „маади, иначе магди“,

о борьбѣ съ невѣрными, жалкой судьбѣ „кяфировъ“; съ побѣдою и уничтоженіемъ всѣхъ немусульманъ правовѣрные стряхнутъ съ себя настоящее горе, заживутъ новою, свободною жизнью. „Муназяфъ“ всегда оканчивается призываніемъ правовѣрныхъ къ неуклонному слѣдованію своей религіи и прославленіемъ Бога и его пророка Магомета.

V.

Измѣненія бытовыхъ формъ жизни черемисъ подъ вліяніемъ мусульманства. — Взгляды на семейную жизнь и положеніе женщины. — Отношеніе черемисъ къ своей вѣрѣ и обрядамъ.

Долговременное и постепенно возраставшее вліяніе магометанъ подготовило черемисъ района смѣшанныхъ селеній къ восиріятію мусульманскихъ понятій и подчинило имъ старыя языческія воззрѣнія черемисъ. Измѣненія же въ языческихъ понятіяхъ и взглядахъ естественно вызвали соотвѣтствующія измѣненія и въ бытовыхъ формахъ. Черемисы, не отличая строго свои языческія воззрѣнія отъ магометанскихъ и имѣя много общихъ бытовыхъ чертъ съ татарами, въ настоящее время существенное отличіе своей религіи отъ магометанской видятъ только въ различіи религіозныхъ обрядовъ. Поэтому обычаи и обряды, не имѣющіе непосредственнаго отношенія къ богослужебнымъ дѣйствіямъ, легко оставляются и замѣняются татарско-магометанскими. Во многихъ волостяхъ, какъ напр., въ Елдяковской, Ванышъ Алпаутовской, Кавилыковской, Калмыковской (Бирск. у.), Кичкиняшевской (Белебеев. у.), Семіостровской (Мевз. у.) поминальные обряды почти забыты, покойниковъ хоронятъ по магометанскому обычаю, безъ гробовъ; обряды при рожденіи и нареченіи имени новорожденному, обряды сватовства и свадебные почти ничѣмъ не отличаются отъ татарскихъ.

Подъ вліяніемъ магометанства значительно измѣнился также взглядъ черемисъ на бракъ, отношенія мужа къ женѣ и ея правамъ. Въ то время, какъ у казанскихъ, вятскихъ, частью и пермскихъ черемисъ женщина во многихъ случаяхъ является полноправной хозяйкой дома, у описываемыхъ черемисъ она не поль-

зуется почти никакими правами. Она должна слѣпо повиноваться мужу, исполнять всѣ его прихоти и желанія. Мужъ можетъ нанести женѣ какое угодно оскорбленіе, можетъ бить ее, даже отнять ея имущество, можетъ собственною властью прогнать ее изъ дому и за все это не подвергается почти никакой отвѣтственности. Если же вздумаетъ жена жаловаться на мужа волостному суду, то послѣдній, руководствуясь обычаями и мнѣніемъ судей, въ большинствѣ случаевъ магометанъ, не удовлетворитъ ея жалобъ, если только за обиженную не заступятся ея родственники. Зависимое и приниженное положеніе черемиски, обусловливающееся магометанскимъ взглядомъ на женщину, обнаруживается и въ мелочахъ обыденной жизни; такъ, въ присутствіи мужчинъ женщина не можетъ сѣсть на стулъ или на почетное мѣсто; считается за крайнее невѣжество и стыдъ показываться ей передъ мужчинами босикомъ или съ непокрытой головой; она должна по возможности прятаться отъ всѣхъ мужчинъ старшихъ лѣтами и въ особенности свекра и деверей. Какъ и у магометанъ, женщины обѣдаютъ отдѣльно отъ мужчинъ, онѣ не допускаются до участія въ общественныхъ моленіяхъ, не имѣютъ права войти въ кереметь, какъ существа нечистыя и низкія въ сравненіи съ мужчинами. Сообразно съ измѣнившимися взглядами на женщину, многіе смотрятъ на нее, только какъ на предметъ чувственнаго удовольствія; равно какъ и сами черемиски, подражая татаркамъ въ нарядахъ, украшеніяхъ и въ пріемахъ обращенія, подобно имъ скорѣе склонны видѣть въ себѣ существа, цѣль жизни которыхъ состоитъ въ услажденіи мужа.

Вслѣдствіе того, что черемисы района смѣшанныхъ селеній усвоили много магометанскаго, ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать язычниками; они скорѣе полуязычники и полумагометане, хотя этого они сами не сознаютъ, часто выдавая магометанскія понятія за языческія. Языческіе обряды у нихъ далеко не пользуются тѣмъ уваженіемъ и строгимъ исполненіемъ, какимъ они пользуются въ мѣстахъ сплошного населенія черемисъ. Только крайняя необходимость, какъ напр. тяжелая болѣзнь, смерть, общественныя бѣдствія, вынуждаетъ черемисъ исполнять тотъ или иной языческій обрядъ; при этомъ замѣтно, что исполненіе

обряда для нихъ необычно; во всѣхъ движеніяхъ ихъ при этомъ замѣтна холодность, взглядъ не выражаетъ ни благоговѣнія, ни сознанія важности исполняемаго обряда; смыслъ и значеніе молитвенныхъ словъ, повидимому, нисколько не трогаетъ ихъ душу. Въ общественныхъ моленіяхъ, удержавшихся скорѣе по традиціи, черемисы являются большею частью безучастными зрителями и вообще мало расположены къ ихъ посѣщенію. Пришедши на моленіе, они держатъ себя не такъ, какъ бы слѣдовало: стоятъ какъ пришлось, смѣются, разговариваютъ и проч. Такъ какъ обряды служатъ внѣшними выразителями религіозныхъ представленій и убѣжденій, то холодность въ ихъ исполненіи и невнимательность свидѣтельствуютъ о равнодушіи къ самой вѣрѣ. Дѣйствительно, для описываемыхъ черемисъ совершенно безразлично, какую бы религію человѣкъ ни исповѣдывалъ, лишь бы онъ велъ хорошую жизнь. Этотъ религіозный индеферентизмъ есть прямое послѣдствіе вліянія магометанства: оно расшатало основы старыхъ языческихъ вѣрованій черемисъ и привело ихъ къ тому, что они, какъ говорится, отъ одного берега отстали, а къ другому не пристали.

VI.

Прямое отступленіе черемисъ отъ своей прежней вѣры и обращеніе въ магометанство. — Молитвенные дома. — Исполненіе магометанскихъ обрядовъ. — Грамотные черемисы въ должности муллъ. — Исторія обращенія въ магометанство Г.

Изъ массы населенія среди черемисъ выдѣляется немало личностей, и со всѣмъ предавшихся магометанству; хотя послѣдніе и составляютъ меньшинство, но число ихъ съ каждымъ днемъ увеличивается и качественно и количественно. Какъ всѣ вообще прозелиты, новообращенные отличаются страстною преданностью новой религіи и ея предписаніямъ. По пятницамъ и въ дни магометанскихъ праздниковъ „Миградж-Наби“ [1]), „Ляйляэль-Кадръ“ [2]), „Айди-Курбанъ“ [3]), „Мавлюд-Наби“ [4]) акку-

[1]) Восхожденіе пророка (т. е. Магомета). Праздникъ въ 29 д. Раджаба.

[2]) Ночь всемогущества. Маг. праздникъ въ 27 д. Рамадзана.

[3]) Большой Байрамъ. Маг. праздникъ въ 10 д. Джуль-хиджи.

[4]) Рожденіе пророка (т. е. Магомета). Маг. праздникъ 12 Аввалля.

ратно собираются для общей молитвы въ одинъ молитвенный домъ.

Молитвенные дома снаружи ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ черемисскихъ избушекъ, но внутренняя обстановка ихъ вполнѣ приноровлена къ своему назначенію; полъ и нары покрыты войлокомъ или кошмой; по стѣнамъ устраиваются полки для шапокъ съ наверченными на нихъ полотенцами (чалма); для совершенія обряда омовенія за печкой отводится особое мѣсто. Каждый изъ молящихся приноситъ съ собой для омовенія кунганъ съ чистой водою и полотенце. Обязанности муллы чаще всего исполняютъ „шакирда" (ученикъ медрессе, готовящійся въ муллы), или младшій „муэдзинъ", назначаемые имамомъ, только въ исключительныхъ случаяхъ обязанности ихъ возлагаются на одного изъ новообращенныхъ, болѣе другихъ знающаго молитвы и правила обрядности. При входѣ учителя всегда привѣтствуютъ словами „ас-саламу галяйка"; такъ какъ привѣтствіе это магометане не могутъ принять отъ иновѣрца, то отвѣтное привѣтствіе „уа галяйка ас-салам", произносимое шакирдомъ или муэдзиномъ, свидѣтельствуетъ, что магометане считаютъ новообращенныхъ истинными мусульманами. Во время краткихъ перерывовъ между молитвами молящимся на татарскомъ языкѣ сообщаются „тарихъ" (священно-историческіе разсказы), „икаят" (правоучит. повѣсти, разсказъ) и „ак-ян" (басни, притчи) съ соотвѣтствующими разъясненіями, дополненіями и толкованіями. Мнѣ приводилось встрѣчать слѣдующія пособія для такихъ бесѣдъ „маджма-ель-фазаил", „миджмаиль-адаб", „Сабат-иль-аджу", „Имам Газали", въ большомъ количествѣ печатающіяся въ Казанскихъ типографіяхъ [1]). На этихъ собраніяхъ черемисами заучиваются необходимыя въ повседневномъ быту молитвы, получаются религіозно-бытовыя наставленія. Такимъ образомъ молитвенные дома служатъ въ полномъ смыслѣ слова училищами мусульманской вѣры и благо-

---

1) Замѣчательно, что татары распространяютъ между черемисами означенныя книги, которыми устанавливаются среди послѣднихъ магометанскіе обряды (при празднованіи священныхъ дней) и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщается исторія жизни Магомета. Въ этомъ проглядываетъ довольно вѣрный взглядъ на пріемы прозелитизма.

честія и школами религіознаго воспитанія; въ этихъ школахъ, существованіе которыхъ едва ли кому извѣстно, въ новообращенныхъ возбуждается, развивается и поддерживается мусульманскій фанатизмъ и связанныя съ нимъ ревность и усердіе къ распространенію Магометова ученія. Молитвенные дома нерѣдко посѣщаются и язычниками-черемисами въ качествѣ зрителей и постороннихъ слушателей (напр. въ Шушлюндурѣ). Мнѣ извѣстно существованіе домовъ молитвы въ слѣдующихъ черемисскихъ деревняхъ: Маты, Шыды и Узекеевой (Уфим. у.), Киргизовой, Старо-Ямурзиной (учитель шакирдъ изъ тат. дер. Сейтака), Кузеевой, Тябиліевой, Шушлюндурѣ (Бир. у.), Каракулахъ, Суксу (Мenз. у.). Полагаю, что молитвенные дома существуютъ и въ другихъ черемисскихъ деревняхъ.

Между новообращенными встрѣчаются и грамотные, изучившіе татарско-арабскую грамоту или у частныхъ лицъ, или въ начальныхъ магометанскихъ школахъ-мектэбе. Они пользуются репутаціей ученыхъ и знатоковъ вѣры и имѣютъ громадное вліяніе на населеніе; вокругъ нихъ группируются всѣ новообращенные, они же исполняютъ обязанности муллъ и третейскихъ судей въ спорахъ между единомышленниками. Всѣ они, если не богаты, то по крайней мѣрѣ живутъ достаточно, получая доброхотныя подаянія за исправленіе обязанностей муллъ. Благодаря сравнительному благосостоянію, они держатъ мѣстное населеніе въ экономической зависимости; ихъ голосъ на общественныхъ сходкахъ очень часто имѣетъ рѣшающее значеніе. Одинъ изъ такихъ муллъ Г. лично мнѣ извѣстенъ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ одномъ изъ училищъ г. Мензелинска. Въ бытность свою въ училищѣ Г. вмѣстѣ съ своими товарищами былъ освобожденъ отъ уроковъ Закона Божія изъ ложнаго опасенія (котораго къ сожалѣнію нѣкоторые придерживаются доселѣ) навлечь нареканіе со стороны родителей. Вслѣдствіе этого Г. не получилъ опредѣленныхъ знаній о христіанской вѣрѣ; но вліяніе школы, среды, а также добровольное посѣщеніе христіанскаго богослуженія, вселило въ немъ симпатію къ христіанской религіи и критическое отношеніе къ язычеству. Такимъ образомъ школа дала толчекъ, она заронила въ душѣ даровитаго 15-лѣтняго юноши мысль

о превосходствѣ религіи христіанской предъ магометанствомъ и язычествомъ, такъ что, поступивъ, по выходѣ изъ школы, въ писцы С. волостнаго правленія, исключительно состоящаго изъ татаръ, въ религіозныхъ спорахъ, возникшихъ между нимъ и татарами, Г. сначала стоялъ за христіанскую религію, видя превосходство послѣдней между прочимъ въ томъ, что самъ царь исповѣдуетъ ее. Магометанамъ, конечно, не стоило большихъ усилій опровергнуть всѣ доводы юноши, имѣвшаго еще очень смутныя и ограниченныя понятія о защищаемой имъ религіи. Поднавъ вліянію магометанъ, за время пребыванія въ правленіи, Г. быстро овладѣлъ татарско-арабской грамотой, вполнѣ ознакомился съ предписаніями корана о соблюденіи постовъ, совершенія омовеній, намазовъ, усвоилъ существенныя ученія корана. Превратившись такимъ образомъ въ сознательнаго мусульманина, Г. дѣятельно принялся проводить магометанскія понятія и обычаи сначала среди родственниковъ, а затѣмъ и среди одподеревенцевъ. Для успѣха своей дѣятельности Г. прибѣгъ къ общеупотребительному среди пропагандистовъ-магометанъ средству наивѣрнѣйшаго утвержденія религіи — родственнымъ связямъ; посредствомъ нихъ новообращенные тѣсно сплачиваются между собой и съ татарами. Родственныя связи и общность духовныхъ интересовъ отнимаетъ у новообращенныхъ возможность отступленія отъ принятыхъ обычаевъ и требованій новой религіи. Своей дѣятельною пропагандой Г. вскорѣ снискалъ благоволеніе и дружбу вліятельныхъ и богатыхъ татаръ, не только по отношенію къ себѣ и новообращеннымъ, но и къ язычникамъ черемисамъ, къ которымъ татары вообще относятся съ пренебреженіемъ, какъ невѣждамъ и неучамъ. Въ цѣляхъ превозношенія своей религіи и ея достоинствъ магометане не преминули воспользоваться случаемъ перехода въ магометанство человѣка, учившагося сначала въ русской школѣ. Мнѣ привелось слышать отъ окрестныхъ татаръ слѣдующее объясненіе перехода Г. въ магометанство: „ученый лучше знаетъ, гдѣ истина и правда, гдѣ ложь и заблужденіе; Г., учась сначала въ русской школѣ, а потомъ у мусульманъ, ясно увидѣлъ, что книги, по которымъ вѣруютъ русскіе, поддѣльны, не дѣйствительны, потому что русскіе потеряли писаніе, данное имъ

отъ Бога; за сознательное заблужденіе они обречены на вѣчное мученіе. Г. узналъ истину, не захотѣлъ погубить своей души,— перешелъ въ нашу вѣру". Это объясненіе при громадномъ почтеніи и уваженіи, оказываемомъ окрестнымъ населеніемъ Г., дѣйствительно рѣдкому по своимъ познаніямъ и способностямъ человѣку среди невѣжественныхъ черемисъ, не только удовлетворяетъ всѣхъ и каждаго, но и служитъ могущественнымъ средствомъ совращенія въ магометанство. Конечно, не всѣ магометанствующіе въ одинаковой степени пользуются вліяніемъ, но характеръ ихъ дѣятельности, опредѣляющійся полученнымъ ими направленіемъ, вездѣ болѣе или менѣе одинаковъ.

VII.

Магометанскія школы, какъ могущественное орудіе пропаганды магометанства между черемисами-язычниками. Матеріальное благосостояніе черемисъ-мусульманъ располагаетъ язычниковъ къ принятію ихъ вѣры.

Считая татаръ образцами вѣры и благочестія и зная отсталость сородичей въ обладаніи сокровищницей религіозныхъ знаній, новообращенные въ мусульманство черемисы словомъ и примѣромъ стараются вселить въ своихъ сородичахъ стремленіе къ пріобрѣтенію необходимыхъ познаній въ магометанствѣ. Съ этою цѣлью они направляютъ черемисскихъ дѣтей въ начальныя магометанскія школы—мектэбе. Въ Каракулахъ, Булярахъ, Суксу, Ямалы (Менз. у.), Бальчиковой, Токтаровой, Изяковой (Уф. у.), Киргизовой, Иванаевой, Пѣтуховой, Старо-Ямурзиной, Тиблевой (Бирск. у.) и въ нѣкоторыхъ другихъ деревняхъ, число черемисъ, обучающихся въ магометанскихъ школахъ, увеличивается съ каждымъ годомъ; многіе не довольствуются первоначальнымъ образованіемъ, — и по настоянію родителей, иногда и по собственному желанію, переходятъ въ высшія школы — медрессе[1]). Въ магометанскихъ школахъ, имѣющихъ цѣлью возможно лучше ознакомить учащихся съ исламомъ и воспитать въ нихъ людей безусловно преданныхъ ему, черемисскія дѣти, наравнѣ съ дѣтьми татаръ, находятся подъ непосредственнымъ вліяніемъ муллъ. Въ

[1]) Этими школами завѣдуютъ особенно выдающіеся ученые имамы-хаджи.

дополненіе къ основнымъ положеніямъ магометанской вѣры, изложеннымъ въ алькоранѣ, ученики знакомятся здѣсь съ массою обычаевъ, преданій, вѣрованій, священно-историческихъ разсказовъ, повѣстей и нравоучительныхъ басенъ. Пройдя курсъ школы и глубоко проникшись его идеями, ученики впослѣдствіи становятся самыми искренними исповѣдниками ислама и распространителями его ученія. Усвоенное въ школѣ передается въ семьи и, какъ священный завѣтъ, переходитъ отъ поколѣній къ поколѣніямъ.

Добываніе свѣдѣній объ обучающихся въ магометанскихъ школахъ сопряжено съ большими препятствіями, потому что черемисы, оффиціально считаясь язычниками, очень тщательно скрываютъ свое мусульманское образованіе. Возникновеніе среди черемисъ класса людей, не только искренно преданныхъ исламу, но и получившихъ магометанское образованіе, заслуживаетъ особеннаго вниманія по вліянію, которое онъ имѣетъ на населеніе. Если въ массѣ населенія при его симпатіи къ магометанству последнее не впиталось въ плоть и кровь, то въ молодомъ поколѣніи, воспитанномъ въ мусульманскомъ фанатизмѣ, выростетъ явно враждебная сила, бороться съ которой будетъ весьма трудно. Несмотря на односторонность полученнаго образованія, подростающее поколѣніе въ умственномъ отношеніи стоитъ гораздо выше. Превосходство въ умственномъ развитіи даетъ ему несомнѣнный перевѣсъ надъ невѣжественной толпой. Изъ приведеннаго выше объясненія перехода Г. въ магометанство видно, что грамотность въ глазахъ простого народа имѣетъ громадный авторитетъ при рѣшеніи религіозныхъ вопросовъ. Вліяніе грамотныхъ черемисъ увеличивается тѣмъ болѣе, что они, какъ единоплеменники, среди сородичей пользуются бо́льшимъ довѣріемъ, чѣмъ люди чужой національности. Татары совершенно вѣрно поняли это преимущество черемисъ-магометанъ передъ собой въ дѣлѣ пропаганды, всегда выдвигая впередъ и руководя ихъ дѣйствіями. Гдѣ бы ни приводилось встрѣтить грамотнаго магометанина-черемиса, онъ всегда въ рукахъ татаръ служитъ орудіемъ совращенія язычествующихъ и исполняетъ свою обязанность съ глубокимъ сознаніемъ важности миссіи, возложенной на него, по его убѣжденію, свыше. Понятно само собою, что

черемисы-магометане, говоря однимъ языкомъ со своими язычествующими единоплеменниками и зная ихъ бытъ, нравы, обычаи, вѣрованія и особенности характера, прямо и непосредственно дѣйствуютъ на умъ, сердце и воображеніе язычника: развиваютъ его мысли, объясняютъ, опровергаютъ слабые доводы слушателя, вразумляютъ, безпощадно разрушаютъ коренной культъ и вѣрованія его и тѣмъ способствуютъ къ переходу въ другую, лучшую, ими самими исповѣдуемую религію. Обѣщая будущее вѣчное блаженство, Магометовъ рай съ прелестными неземными созданіями — гуріями [1]), съ благоухающими садами, съ источниками чистой и легкой, какъ весенній воздухъ, воды, непреложность и несомнѣнность будущихъ благъ они подтверждаютъ наглядным примѣромъ собственнаго своего настоящаго земного довольства и благосостоянія, ниспосланнаго Богомъ за истинное и вѣрное Его познаніе. Въ поясненіе такого довода въ пользу магометанской религіи нужно замѣтить, что черемисы-магометане живутъ гораздо зажиточнѣе своихъ собратій язычниковъ; многіе изъ нихъ ведутъ торговлю — занятіе рѣдкое среди черемисъ и потому прибыльное. Въ числѣ причинъ, особенно способствующихъ ихъ благосостоянію, слѣдуетъ указать на запрещеніе магометанскимъ ученіемъ употребленія спиртныхъ напитковъ. Извѣстно, что употребленіе вина строго преслѣдуется магометанами, тогда какъ черемисы-язычники, не сдерживаемые никѣмъ и ничѣмъ, предаются пьянству до излишества; рѣдкій праздникъ у нихъ обходится безъ того, чтобы черемисинъ средней зажиточности не истратилъ отъ 2—3 ведеръ вина или отъ 11—16 руб.; а такъ какъ праздниковъ у черемисъ, за исключеніемъ случайныхъ и семейныхъ, въ году насчитывается не менѣе 6, то расходъ получится довольно чувствительный въ 70—100 р. и для бѣдныхъ въ 20—30 руб. Помимо этого, продолжительный праздничный разгулъ (каждый праздникъ длится отъ 3—5 дней) очень часто мѣшаетъ своевременному исполненію сельско-хозяйственныхъ и иныхъ работъ. Все это вмѣстѣ съ другими послѣдствіями пьянства сильно разстраиваетъ хозяйство черемисъ-язычниковъ.

[1]) Гуріи—дѣвы рая, предназначенныя для услажденія правовѣрныхъ.

Напротивъ, магометанствующіе черемисы живутъ подъ постояннымъ и неослабнымъ наблюденіемъ татаръ, въ точности исполняютъ требованія новой религіи въ отношеніи употребленія вина; аккуратная и воздержная жизнь содѣйствуетъ поправленію ихъ состоянія. Матеріальная обезпеченность черемисъ-магометанъ не можетъ не обратить вниманія язычниковъ: не вникая въ истинныя причины экономической разницы, язычники невольно поддаются объясненіямъ татаръ, что благосостояніе новообращенныхъ есть наглядное проявленіе особенной милости Божіей къ нимъ за переходъ въ магометанство. Послѣ такого убѣдительнаго доказательства черемисинъ-полуязычникъ едвали можетъ оставаться равнодушнымъ къ религіи, представляющей такія преимущества и блага, какъ въ сей, такъ и въ будущей жизни. Всѣ данныя говорятъ въ пользу того, что магометанская религія прочно утвердится въ черемисскомъ населеніи района смѣшанныхъ селеній. Такое предположеніе тѣмъ болѣе возможно, что магометанство, не брезгающее никакими средствами пропаганды, въ корнѣ подорвало одно изъ существенныхъ и главнѣйшихъ препятствій, удерживавшихъ досслѣ большинство черемисъ отъ перемѣны религіи, — это страхъ передъ кереметемъ. Съ культомъ кереметя связаны для черемисъ основныя, близкія и дорогія ихъ сердцу понятія и вѣрованія. Подрывъ этого культа свидѣтельствуетъ о подрывѣ искони сложившагося міросозерцанія и органически связанныхъ съ нимъ понятій. Черемисы говорятъ: „достаточно перейти въ татарскую вѣру, и кереметь никогда не тронетъ“. Весьма вѣроятно, что не въ далекомъ будущемъ наступитъ время поголовнаго открытаго движенія этихъ черемисъ въ сторону магометанской религіи. Не безъ положительныхъ основаній у татаръ-магометанъ сложилась полная увѣренность въ томъ, что черемисы составляютъ ихъ неотъемлемое достояніе. — Черезъ новообращенныхъ мусульманскіе идеи, обряды, обычаи, путемъ брачныхъ союзовъ, родственныхъ отношеній и пропаганды, съ непреодолимою силою вторгаются въ окружающее черемисское населеніе. Мусульманскія представленія тѣмъ скорѣе и легче распространяются здѣсь, что они, предварительно ассимилируясь съ остатками языческихъ вѣрованій полумагометанъ черемисъ,

теряютъ рѣзкія формы чуженародныхъ вѣрованій. Нѣтъ сомнѣнія, что если черезъ 20—25 лѣтъ черемисы смѣшанныхъ селеній будутъ поглощены магометанствомъ и сольются съ татаро-башкирами, то сородичи ихъ смежныхъ районовъ займутъ ихъ настоящее положеніе въ умственномъ, религіозно-нравственномъ и бытовомъ отношеніяхъ. О таковой неизбѣжности утраты самобытныхъ вѣрованій черемисъ можно судить по судьбѣ жителей селеній Нижній Изякъ, Бальчиковой и Шыды (Уф. у.). Лѣтъ 15—20 тому назадъ въ д. Бальчиковой язычествующихъ черемисъ было до 20 дворовъ, д. Шыды состояла исключительно изъ черемисъ язычниковъ; въ настоящее время Бальчиково совершенно отатарилось, въ Шыдахъ появилось болѣе 10 дворовъ магометанствующихъ.

VIII.

Магометанская пропаганда среди инородцевъ Уфимскаго края; ея успѣхи въ связи съ успѣхами магометанскихъ школъ; религіозный характеръ школьнаго образованія у магометанъ.—Особыя обстоятельства благопріятствующія магометанской пропагандѣ; сказаніе о *маади* и приближающемся торжествѣ магометанства.—Магометанскіе проповѣдники и характеръ ихъ проповѣди.

Принимая во вниманіе все вышесказанное объ условіяхъ, содѣйствовавшихъ сближенію черемисъ и другихъ инородцевъ Уфимскаго края съ татарами, можно сказать, что наблюдаемая нынѣ склонность инородцевъ ко всему магометанскому есть продолженіе давно начавшагося движенія, которое росло, крѣпло, а въ настоящее время въ рукахъ магометанскаго духовенства перешло въ открытую, правильно организованную пропаганду. Успѣхъ послѣдней стоитъ въ непосредственной связи съ успѣхами, достигнутыми магометанскимъ духовенствомъ въ дѣлѣ просвѣщенія татаръ. Благодаря массѣ школъ (мужскихъ и женскихъ), имѣющихся въ любой деревнѣ, и ихъ доступности, татары почти поголовно грамотны. Такъ какъ грамотность ихъ заключается главнымъ образомъ въ знакомствѣ съ книгами религіознаго содержанія, то магометанское духовенство всегда оказываетъ гро-

мадное вліяніе на религіозное развитіе и направленіе магометанъ. Обогащеніе татаръ свѣдѣніями изъ религіи еще болѣе облегчается простотой и близостью отношеній между ними и духовенствомъ, а также частымъ посѣщеніемъ мечетей, или, за неимѣніемъ таковыхъ, молитвенныхъ домовъ. Поэтому очень рѣдкій татаринъ не знаетъ главныхъ основъ своей религіи и, если онъ не далеко ушелъ въ знаніи догматовъ религіи, то по крайней мѣрѣ обладаетъ знаніемъ массы легендъ, преданій, повѣстей, которыя даютъ ему пищу для религіознаго чувства и нравственнаго примѣненія къ потребностямъ жизни. Магометанство, достигнувъ послѣ упорной и настойчивой дѣятельности замѣчательныхъ успѣховъ въ просвѣщеніи своихъ послѣдователей, тѣмъ самымъ пріобрѣло необходимыя данныя къ успѣшному распространенію и утвержденію своего ученія среди инородцевъ — грамотность, неразрывный съ нею авторитетъ въ дѣлѣ религіи и безусловную преданность исламу. При такихъ средствахъ воздѣйствія на язычниковъ, имамамъ, хатышамъ и людарисамъ остается только возвышать религіозное настроеніе магометанъ и поддерживать его въ желательномъ направленіи, согласно требованію корана, который предписываетъ правовѣрнымъ „приглашать невѣрующихъ на путь Господа“ (Кор. гл. 16 ст. 126) не только словами, убѣжденіемъ, но и всѣми возможными по времени и мѣсту средствами. Магометанское духовенство, во всѣхъ отношеніяхъ служащее образцомъ для простого народа, и въ этомъ случаѣ оказывается на высотѣ своего призванія: оно дѣятельно руководитъ пропагандою. Силу и энергію къ распространенію религіи среди невѣрныхъ магометане почерпаютъ въ живѣйшей связи, поддерживаемой ими съ мусульманскимъ востокомъ черезъ учащихся въ центрахъ мусульманской образованности въ Бухарѣ, Хивѣ, Константинополѣ, въ послѣднее время и въ Каирѣ, а также черезъ многочисленныхъ хаджей-поклонниковъ святыхъ мѣстъ и темныхъ, неизвѣстно какой націи, личностей, шныряющихъ подъ видомъ нищихъ и странниковъ. Послѣдніе знакомятъ мѣстныхъ магометанъ со всѣми движеніями, происходящими въ тайникахъ мусульманскаго міра. Главная ихъ обязанность — подготовить нашихъ мусульманъ къ будущей великой войнѣ съ невѣрными. Измѣна невѣрнымъ по-

работителямъ, ненависть къ всякому кяфиру, чистота нравовъ, простота образа жизни, проповѣдь ислама, по словамъ этихъ личностей, необходимы потому, что по нимъ маади (чер. маги)— послѣдній пророкъ Божій и основатель вѣры, будетъ судить о томъ, на сколько магометане сохранили въ себѣ чистоту и неповрежденность религіи. Маади родился, но люди не подготовлены къ его принятію, поэтому онъ скрытъ Богомъ отъ взора правовѣрныхъ. Только, по объединеніи магометанъ, онъ объявитъ начало джехата—священной войны; тогда на землѣ наступитъ всеобщее торжество ислама; всѣ немусульмане погибнутъ подъ мечомъ правовѣрныхъ. Твердо и неуклонно стремятся эти темныя личности къ тому, чтобы сплотить во едино правовѣрныхъ для будущаго торжества ислама. Тайная работа ихъ никогда не бросается въ глаза; какъ сами они подъ прикрытіемъ единовѣрцевъ ускользаютъ отъ взоровъ властей, такъ и воззванія, распространяемыя ими, вполнѣ застрахованы отъ захвата; послѣднія хранятся въ надежныхъ рукахъ и по внѣшней формѣ не могутъ возбудить никакого подозрѣнія, на нихъ изображены кунганы и чайныя чашки во вкусѣ татаръ, поэтому ихъ скорѣе можно принять за объявленіе, разсылаемое какимъ-либо магазиномъ. Внимательно вглядываясь, нельзя однако не замѣтить, что очертанія фигуръ, узоры и украшенія суть не что иное, какъ искусно сплетенное мелкое арабское письмо, нѣчто въ родѣ древне-славянской вязи. Старанія этихъ непрошенныхъ проповѣдниковъ вернуть мусульманъ къ простотѣ вѣры, чистотѣ жизни и направить ихъ на путь пропаганды ислама въ среду невѣрующихъ возбуждаютъ и безъ того сильный фанатизмъ магометанъ и даютъ толчекъ къ энергической пропагандѣ магометанства Ревнители вѣры Магомета рѣшили во что бы ни стало возобновить проповѣдь ислама и провести его въ среду инородцевъ, не познавшихъ его. Татары-магометане открыто проповѣдуютъ о маади всякому немусульманину, заслуживающему ихъ довѣрія, совѣтуютъ бросить свои заблужденія. Мнѣ самому не разъ приходилось слышать отъ знакомыхъ татаръ такого рода совѣты: „напрасно не дѣлаешься мусульманиномъ; подумай, вѣдь погибнешь отъ нашихъ рукъ; жалко знакомаго человѣка убивать, но таковъ бу-

детъ законъ, невѣрному одинъ конецъ — мечъ". Учитель Ч—го училища А. Р., занимавшійся съ молодыми будущими муллами русскимъ языкомъ, разсказывалъ мнѣ слѣдующее: „мои ученики большіе любители религіозныхъ разговоровъ; они очень часто высказываютъ искреннее сожалѣніе, что я — не мусульманинъ. Они говорятъ: „придетъ маади, мы всѣ до единаго пойдемъ на невѣрующихъ и всѣхъ перебьемъ, какъ беззаконниковъ; если, А. И., примешь нашъ законъ, мы тебя не тронемъ". На мое возраженіе, что у царя много войска и всевозможнаго оружія, они отвѣчаютъ: „*вашъ* царь не больше Бога, все его войско и оружіе ничто передъ Богомъ и Его волею". Если учителю, лицу въ нѣкоторомъ родѣ для татаръ не безопасному, они не стѣсняются высказывать сокровенныя мысли и желанія, укоряютъ его въ заблужденіи, убѣждаютъ его въ виду грядущихъ бѣдствій принять магометанскій законъ, то среди невѣжественныхъ черемисъ они совершенно свободно и непринужденно развиваютъ развращающее ученіе о скоромъ появленіи маади и разсказами о страшной рѣзнѣ нерѣдко наводятъ панику.

Татары вообще отличаются ревностью къ своей религіи; каждый мусульманинъ есть въ то же время миссіонеръ и притомъ миссіонеръ убѣжденный, не пренебрегающій никакими средствами къ обращенію инородца. При частыхъ взаимныхъ сношеніяхъ съ язычниками мусульманину представляется масса случаевъ къ пропагандѣ магометанскихъ идей. Однако, какъ ни заманчива для правовѣрнаго проповѣдническая дѣятельность, дающая ему почетъ и уваженіе со стороны единовѣрцевъ, но она не всякому подъ силу. Поэтому пропагандою занимаются лица болѣе или менѣе подготовленныя и способныя на это трудное дѣло: „мюдарисы" (учителя) и „ишаны"; они отличаются особеннымъ фанатизмомъ и вліяніемъ на народъ, не только учатъ, проповѣдуютъ, но и лѣчатъ; послѣдніе кромѣ того, по убѣжденію татаръ и язычниковъ-черемисъ, владѣютъ даромъ прозорливости. Ишаны, подобно древнимъ оракуламъ, всегда предсказываютъ общими, неопредѣленными фразами, допускающими различное толкованіе. Постоянное опасеніе передъ русскою властью сдѣлало ихъ чрезвычайно изворотливыми, пронырливыми и хитрыми;

они умѣютъ отлично замаскировать свою дѣятельность, принимая видъ нищихъ, странниковъ и мелкихъ торгашей. Татаринъ-пропагандистъ, какъ человѣкъ грамотный и сравнительно развитой передъ язычникомъ, пользуется извѣстнымъ авторитетомъ; онъ всюду свободно проникаетъ подъ видомъ торгаша, странника или нищаго; онъ хорошо знаетъ быть, вѣрованія черемисъ и слабыя стороны ихъ характера. Для пропагандиста всякій житейскій случай, случайная встрѣча и знакомство даютъ поводъ къ сообщенію тѣхъ или иныхъ магометанскихъ истинъ; онъ сумѣетъ войти въ довѣріе къ черемисину, овладѣть его вниманіемъ, затронуть его мысли; неподдѣльное, глубоко-искреннее чувство передается слушателю; проникнутый глубокимъ убѣжденіемъ въ истинѣ своихъ словъ, онъ увлекаетъ слушателя не столько силою своихъ доводовъ, сколько своимъ неподдѣльнымъ энтузіазмомъ. Если черемисинъ возразитъ на то или иное мнѣніе проповѣдника, что бываетъ весьма рѣдко, то у него найдется цѣлая серія неопровержимыхъ доказательствъ. Во время поѣздки лѣтомъ 1890 г. съ черемисиномъ-коробейникомъ въ черемисскомъ костюмѣ, въ качествѣ его помощника, мнѣ разъ привелось встрѣтиться съ подобнымъ пропагандистомъ въ дер. Тырпылахъ. Заходя по очереди въ каждый домъ, у одного черемисина мы застали человѣкъ 6 мужчинъ и столько же женщинъ, со вниманіемъ слушавшихъ поученіе татарина (у него на шнуркѣ, за поясомъ, висѣло около десятка ножницъ самой грубой работы). Появленіе наше не могло смутить татарина, такъ какъ мой спутникъ былъ хорошо извѣстенъ; что касается меня, то я въ костюмѣ черемисина-кучера не могъ возбудить ровно никакого подозрѣнія. Рѣчь шла о томъ, что ожидаетъ правовѣрныхъ въ раю. Увлекательное, краснорѣчивое описаніе ожидаемыхъ въ раю чувственныхъ удовольствій въ обществѣ прелестнѣйшихъ созданій (гурій), съ постоянными ссылками на коранъ и на какой-то китабъ (книга, названія не помню), повидимому, на слушателей производило сильное впечатлѣніе. Одинъ изъ слушателей обратился къ поучавшему татарину съ вопросомъ: „Шейхульисламъ-агай (агай — старшій братъ, дядя, въ почтительныхъ обращеніяхъ), ты говоришь, женщины не войдутъ въ рай — онѣ недостойны, нечисты; куда же

онѣ пойдутъ? Неужели и добрыя женщины не увидятъ рая? Какъ же мусульманинъ войдетъ въ рай, когда онъ родился также отъ нечистой женщины? Вѣдь ты же говоришь, что отъ нечистыхъ рождаются нечистые, значитъ и мужчины нечисты, также не могутъ войти въ рай?" — „Не я говорю, а такъ говоритъ Богъ въ коранѣ", наставительно, тономъ не допускающимъ возраженій, отвѣтилъ Шейхульисламъ: „не должны люди осуждать Бога, а должны вѣрить Ему; мусульманинъ чистъ и угоденъ Богу. Шайтанъ тебя смущаетъ".

При такихъ рѣзкихъ, безусловныхъ отвѣтахъ, а также неумѣніи что возразить, черемисамъ въ большинствѣ случаевъ приходится молчать и назидаться проповѣдью магометанъ, воспитывая въ сердцѣ сильную предрасположенность къ исламу, и затѣмъ совращаться въ него.

IX.

Пріемы магометанскихъ пропагандистовъ среди язычниковъ-черемисъ Уфимскаго края; магометанскіе талисманы и амулеты; магометанскіе предсказатели; тактичность магометанскихъ пропагандистовъ по отношенію къ языческимъ вѣрованіямъ черемисъ; ихъ дружеское обращеніе съ черемисами. — Подготовка язычниковъ-черемисъ къ переходу въ исламъ; обряды при принятіи въ магометанство.

Всякій проповѣдникъ дѣйствуетъ по зрѣло-обдуманному и опредѣленному плану, онъ стремится не только доказать ложность языческой религіи и превосходство магометовой передъ всѣми существующими на землѣ религіями, но и воспользоваться знаніемъ быта и вѣрованій черемисъ съ тѣмъ, чтобы своевременно употребить тѣ или иныя средства.

Характерной чертою черемисъ, обусловливаемой ихъ шаманистическимъ міровоззрѣніемъ, слѣдуетъ считать суевѣріе. Желая оградиться отъ зла и подчинить себѣ силы, отъ которыхъ исходятъ добро и счастье, они прибѣгаютъ къ помощи заклинаній, заговоровъ и нашептываній, приписывая имъ чудодѣйственныя свойства. Но не всякій человѣкъ способенъ вступить въ сношеніе съ духами и заставить ихъ быть послушными себѣ, а

только лица обладающія знаніемъ и силою необыденными: ворожеи, знахари и жрецы во время моленій. На возможности общенія съ духами зиждется все религіозное представленіе черемисъ. Зная это, магометанинъ-пропагандистъ прежде всего старается подорвать авторитетъ ворожей, знахарей, а затѣмъ убѣдить черемисъ, что его вѣра обильно располагаетъ вполнѣ дѣйствительными средствами общенія съ сверхъестественными силами; совѣтуетъ обратиться къ муллѣ, попробовать испытать вмѣсто заговоровъ и заклинаній силу „пӱтӱм“ (выписка изреченій корана) и „умми-сабьян“ (молитва для охраненія отъ нечистыхъ силъ), увѣряя, что они предохраняютъ отъ всѣхъ недуговъ и заболѣваній, тогда какъ заговоры дѣйствительны только въ извѣстныхъ случаяхъ; при этомъ не забудетъ указать на примѣры успѣшнаго пользованія этими талисманами. Если черемисинъ, вообще вѣрующій въ талисманы и амулеты, изъявитъ желаніе, то онъ тутъ же вручитъ таковые. Достаточно, конечно, одного благопріятнаго случая пользованія пӱтӱмомъ или умми-сабьяномъ, чтобы онъ неизгладимо врѣзался въ память и перевѣшивалъ десять другихъ случаевъ съ неудачнымъ исходомъ. Этотъ грубый самообманъ и способствуетъ тому, что черемисы болѣе и болѣе начинаютъ вѣрить въ силу этихъ талисмановъ. Одновременно съ тѣмъ растетъ и престижъ лица, раздающаго эти чудодѣйственныя бумажки; такъ напр. мулла деревни Бигитыновой (Усы-Степановской волости), пӱтӱмы и умми-сабьяны котораго славятся особенно чудодѣйственной силой, пользуется значеніемъ непогрѣшимаго цѣлителя; выписками изъ корана и умми-сабьяномъ онъ снабжаетъ черемисъ двухъ волостей—Усы-Степановской и Мшикинской.

Не меньшимъ, чѣмъ муллы и ихъ пӱтӱмы, значеніемъ пользуются „кӧразы“ (тат. кюрамче, т. е. ясновидящій изъ стариковъ-ишановъ). Кӧразы встрѣчаются и среди черемисъ, но они, какъ по способу гаданія (смотрѣть въ воду), такъ главнымъ образомъ по поведенію (легкость наживы и частыя угощенія посѣтителей сдѣлали ихъ горчайшими пьяницами) не пользуются особеннымъ даромъ предсказыванія, а потому ихъ черемисы избѣгаютъ, обращаясь къ помощи татарскихъ кӧразе. Нѣкоторые изъ нихъ пользуются особенно большой славой. Къ нимъ являются

черемисы верстъ за сто и болѣе. Такъ къ „кöразе“ дер. Богады (Менз. у.) пріѣзжаютъ черемисы Елабужскаго и Сарапульскаго уу. (Вятской губ.), Бирскаго и Белебеевскаго уу. (Уфим. губ.). Немало такихъ кöразе встрѣчается и въ Бирскомъ у. Кöразе, муллы и шпаны ворожатъ по корану и отъ обращающихся къ нимъ помощи требуютъ искренней вѣры въ силу корана, всегда выставляя на видъ, что исполненіе желаній возможно только при безусловной вѣрѣ въ коранъ, какъ въ сокровище Божьей премудрости. Это необходимое условіе, выставляемое муллой и кöразе, даетъ имъ основаніе ограждать себя и силу корана при неудачахъ и взваливать вину на невѣріе самихъ же черемисъ. При сказанномъ условіи самый фактъ частаго обращенія черемисъ къ помощи муллъ и кöразе свидѣтельствуетъ, что вѣра въ коранъ и его чудодѣйственную силу легко прививается имъ; вмѣстѣ съ тѣмъ возвышается въ глазахъ язычниковъ Магометова религія, коранъ и авторитетъ муллъ.

Для пропагандиста-магометанина весьма важно убѣдить язычника въ силѣ корана, подчиняющей благодѣтельныхъ духовъ и ограждающей отъ враждебныхъ. Признавъ вліяніе корана на божественную волю, язычникъ долженъ признать и все, что логически вытекаетъ изъ такого положенія, какъ слѣдствіе изъ основанія. Магометанинъ разсуждаетъ: если бы коранъ былъ произведеніемъ человѣческаго ума, то онъ не оказывалъ бы вѣрующимъ благодѣтельныхъ дѣйствій; слѣдовательно онъ имѣетъ божественное происхожденіе и все, содержащееся въ немъ, непреложная истина, выше которой не можетъ быть никакого ученія; въ немъ изложена воля Божья, ей обязанъ слѣдовать всякій, если желаетъ получить блага въ сей жизни и спасеніе души „сауаб“ въ будущей. Такой пріемъ убѣжденія язычника въ предлагаемыхъ истинахъ несомнѣнно есть плодъ продолжительной опытности и наблюденія надъ обращаемыми. Магометане слишкомъ чутки до религіозныхъ взглядовъ и убѣжденій, чтобы не предпочесть такой способъ другимъ, болѣе легкимъ. Для человѣка ничего не можетъ быть священнѣе его религіозныхъ вѣрованій и убѣжденій; какъ бы послѣднія ни были пусты и ничтожны, они дороги сердцу; понятно, открытыя нападенія на нихъ, затроги-

вая жестокимъ и болѣзненнымъ образомъ чувствительную струну сердца, не привлекаютъ, а отталкиваютъ и отдаляютъ слушателя Поэтому магометане ведутъ свое дѣло вкрадчиво, постепенно; въ первое время, пока не расположили язычника въ свою пользу, тщательно избѣгаютъ религіозныхъ споровъ, щадятъ его задушевныя вѣрованія и убѣжденія; ихъ поученія и наставленія носятъ характеръ мирныхъ и кроткихъ бесѣдъ. Магометанину тѣмъ болѣе нѣтъ надобности въ опроверженіяхъ вѣрованій черемисъ, что у послѣднихъ немало сродныхъ съ магометанскими (конечно заимствованныхъ) вѣрованій и убѣжденій. Исходя отъ этихъ вѣрованій, пропагандистъ всегда имѣетъ возможность приводить язычника къ желательнымъ для себя выводамъ, какъ слѣдствіямъ существующихъ вѣрованій; на основаніи выводовъ онъ постепенно подрываетъ, ниспровергаетъ противныя исламу убѣжденія язычника, незамѣтно вселяя на мѣсто нихъ новыя. Проводя магометанскія понятія въ сердце язычника при посредствѣ вѣрованій, которыхъ послѣдній придерживается и которыя сильнѣе дѣйствуютъ на него, магометанинъ кладетъ прочное основаніе къ дальнѣйшему, болѣе подробному ознакомленію съ исламомъ.

Несмотря на то, что черемисы сплошного населенія не легко поддаются увѣщаніямъ магометанъ, видятъ въ ихъ религіозныхъ бесѣдахъ посягательство на священные завѣты старины и преднамѣренное желаніе привлечь къ исламу, ревность и искусство магометанъ въ пропагандѣ своей религіи при благопріятствующихъ къ тому обстоятельствахъ, не остаются безъ результатовъ; и здѣсь встрѣчаются личности болѣе или менѣе симпатизирующія магометанамъ, слѣдовательно подающія надежды на совращеніе. Зная по опыту, что взаимное довѣріе, вліяніе среды и бытовыя отношенія являются самыми могучими проводниками тѣхъ или иныхъ вѣрованій, воззрѣній и обычаевъ, магометанинъ настойчиво стремится заручиться расположеніемъ язычника. Достаточно черемисину раза три побывать въ гостяхъ у татарина, какъ онъ будетъ очарованъ радушнымъ пріемомъ, вниманіемъ и любезностью. Взгляды и сужденія, которые часто приводится язычнику слышать среди магометанъ, чувства, воодушевляющія ихъ—все это не проходитъ безслѣдно, какъ для міровоззрѣнія,

такъ и религіозно нравственныхъ убѣжденій язычника. Онъ со вниманіемъ вслушивается и приглядывается ко всему, что видитъ; частью сознательно, частью безотчетно, въ угоду друзьямъ, многое перенимаетъ и вводитъ въ свою жизнь; такъ, желая показать себя услужливымъ, ласковымъ хозяиномъ, всегда готовымъ принять гостя-магометанина, для закалыванія животнаго всегда приглашаетъ татарина на томъ основаніи, что мусульманинъ не можетъ отвѣдать мяса животнаго, заколотаго иновѣрцемъ и потому нечистаго; заводится кунганомъ и полотенцемъ, необходимыми для совершенія обряда омовенія и проч. Такимъ образомъ дружба черемисина съ татариномъ имѣетъ для перваго значеніе подготовительной ступени въ ознакомленіи съ магометанскими идеями и взглядами. Когда язычникъ будетъ достаточно подготовленъ и безъ предубѣжденія можетъ выслушать слово проповѣди, магометанинъ начинаетъ открыто убѣждать его въ спасительности своей религіи, въ ея божественномъ происхожденіи, совѣтуетъ для спасенія души и пріобрѣтенія милости Божіей оставить свои заблужденія. По обычной системѣ магометанской пропаганды и въ данномъ случаѣ онъ большею частью исходитъ изъ языческихъ вѣрованій черемисина. Въ этомъ отношеніи особенно широко эксплоатируется слѣдующее преданіе черемисъ: черемисы глубоко убѣждены въ томъ, что ихъ книгу (законъ) съѣла корова; по ихъ вѣрованію, законъ, изложенный въ книгѣ, мало чѣмъ отличался отъ сохранившагося у магометанъ и русскихъ (христіанъ). Магометанинъ, основываясь на этомъ вѣрованіи черемисъ, убѣждаетъ язычника, что послѣдній, принимая магометанское ученіе, находитъ потерянный имъ законъ и вмѣстѣ съ тѣмъ получаетъ право на Божіе благоволеніе.

Черезъ нѣсколько лѣтъ самой тѣсной дружбы съ магометанами исламъ болѣе или менѣе прочно водворяется въ душѣ язычника; онъ проникается вѣрою въ божественность корана, свыкается съ мыслью, что единственно спасительная вѣра есть мусульманская. Понимая религію какъ совокупность внѣшнихъ дѣйствій, обнимающихъ богослужебныя обязанности человѣка, начинаетъ исполнять обряды — „аменъ“ (такъ называютъ черемисы проведеніе по лицу ладонью до и послѣ принятія пищи), омо-

веніе и молитву, по пятницамъ принимаютъ своего учителя, мюдариса или грамотнаго татарина для совершенія молитвы *(намаз окам)*. Послѣдній, конечно, не упуститъ такого благопріятнаго случая, чтобы не познакомить его съ подробнымъ предписаніемъ корана о времени молитвы, о положеніи различныхъ частей тѣла во время поклоновъ, о правилахъ омовенія и проч. внѣшнихъ обрядахъ. По насколько легко усвоивается черемисами внѣшняя обрядность, настолько же трудно дается имъ изученіе молитвъ. Рѣдкій изъ нихъ знаетъ какую бы то ни было молитву; большинство ограничивается частымъ повтореніемъ краткаго молитвословія на татарскомъ языкѣ: „Эй, Алла, сакласын". По убѣжденію черемисъ, это молитвенное обращеніе, будучи 96 разъ произнесено безъ передышки, вполнѣ замѣняетъ молитву; а такъ какъ всякая магометанская молитва спасительна и доставляетъ прощеніе грѣховъ, то частое употребленіе этого молитвословія возводится на степень обязанности каждаго, желающаго быть мусульманиномъ. Для счета молитвеннаго обращенія отъ татаръ черемисы получаютъ въ подарокъ четки.

Послѣднимъ и окончательнымъ испытаніемъ для обращаемаго въ искренности его мыслей, въ твердости и непреклонности его убѣжденій, служитъ постъ. Магометанскій постъ (ураза), въ продолженіе котораго отъ восхода до заката солнца нельзя не только съѣсть что-нибудь, но и проглотить каплю воды, по своей трудности, въ особенности если онъ приходится во время лѣтнихъ полевыхъ работъ, представляетъ дѣйствительно тяжелое, но вмѣстѣ съ тѣмъ самое вѣрное средство испытанія, а тѣмъ болѣе для черемисина, не привыкшаго ни къ какимъ ограниченіямъ въ удовлетвореніи своихъ потребностей. Перенесшій трудности трехъ или четырехъ постовъ отовсюду слышитъ одобреніе и похвалу, какъ человѣкъ вполнѣ достойный имени мусульманина. Такихъ, подготовляющихся къ переходу въ исламъ, черемисъ встрѣчается немало, напр. въ дер. Рафандѣ, Юхачевой, Атнашевой, Митряевой, Верхне-Сорвиной, Илишевой, Курзіевой, Сосновой (Бирск. у.), Чикеевой, Ширлыковой (Белеб. у.) и во многихъ другихъ деревняхъ. Только послѣ описаннаго предварительнаго испытанія, пріобрѣтенія привычки къ перене-

сенію трудностей мусульманскаго обрядоваго закона и усвоенія существенно необходимыхъ положеній ислама, язычникъ считается правоспособнымъ къ присоединенію. О своемъ желаніи стать мусульманиномъ онъ заявляетъ муллѣ ближайшей татарской деревни, который и командируетъ для окончательнаго наставленія и приготовленія мюдариса. Подъ руководствомъ и наблюденіемъ послѣдняго, черемисъ держитъ въ продолженіи 30 дней самый строгій постъ, ежедневно совершаетъ пятикратную молитву съ омовеніями. По истеченіи этого срока, въ ближайшую пятницу онъ является въ мечеть въ бѣлой (чистой) одеждѣ, въ туфляхъ на босу ногу. Въ присутствіи массы собравшагося народа на вопросъ муллы „зачѣмъ пришелъ въ мечеть?“ онъ отвѣчаетъ по-татарски: „желаю приблизиться къ Богу, я себя въ руки Божьи предалъ“; затѣмъ даетъ клятвенное обѣщаніе неизмѣнно пребывать въ новой религіи и *обязательство отдавать дѣтей въ медрессе и мектэбе.* По выслушаніи намаза (общественной молитвы) и ӧрыксата муфтія [1]) черемисинъ считается мусульманиномъ [2]). Въ знакъ тѣснаго единенія съ магометанами зажиточные татары устроиваютъ въ честь его званые обѣды. Такъ черемиску, дер. Апосьевой (Андреев. вол.), принявшую магометанство въ августѣ 1893 г., окрестные татары угощали въ продолженіи 3 или 4-хъ недѣль (по послѣднимъ полученнымъ мною свѣдѣніямъ, она вышла замужъ за татарина).

X.

Матеріальная помощь со стороны магометанъ язычникамъ по обращеніи ихъ въ мусульманство.—Тщательное удовлетвореніе религіозныхъ потребностей новообращенныхъ.—Преслѣдованія со стороны мусульманъ въ случаѣ отступничества новообращенныхъ. — Отчужденіе русскихъ отъ инородцевъ вообще. — Недостатокъ заботливости о новообращенныхъ со стороны православныхъ сравнительно съ магометанами. — Сліяніе черемисъ съ татарами и опасность совершеннаго ихъ поглощенія.

———

По обращеніи язычника въ исламъ, магометане главное вниманіе обращаютъ на матеріальное его обезпеченіе; всякій му-

[1]) Черемисы говорятъ, что новообращенному муфтій даетъ ӧрыксат, т. е. грамоту на свободное и безпрепятственное исповѣданіе магометанской вѣры. Насколько это вѣрно — утверждать не могу.

[2]) Такъ какъ женщины не допускаются въ мечеть, то надъ ними обрядъ обращенія совершается у муллы или богатаго татарина на дому.

сульманинъ считаетъ своею священною обязанностію, по мѣрѣ средствъ, помочь ему скотиной или домашней птицей, хлѣбомъ, деньгами и проч. Благосостояніе новообращеннаго замѣтно ростетъ, лѣтъ черезъ пять послѣ обращенія онъ уже начинаетъ жить зажиточно и невольно обращаетъ на себя вниманіе своихъ сородичей-язычниковъ. Такъ какъ помощь со стороны магометанъ исходитъ тайно, то истинная причина его благосостоянія остается скрытою отъ глазъ язычниковъ. И вотъ въ рукахъ магометанъ является новое средство пропаганды своей религіи — милость Божья новообращеннымъ, наглядно проявляющаяся въ ихъ благосостояніи. Въ дер. Кангуловой (Кутеремской вол.), состоящей изъ новокрещеныхъ и язычниковъ-черемисъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ перешелъ въ магометанство бѣдный черемисинъ Ш.; со времени перехода въ исламъ, при помощи татаръ, онъ достаточно разбогатѣлъ; слава о его богатствѣ и довольствѣ далеко разнесена магометанами. Подобные же слухи, конечно, всегда преувеличенные, татарами распускаются о магометанствующихъ черемисахъ дер. Байтуровой (Усы-Степановской вол.) И. и дер. Бабаевой М. И.

Черемисы, живущіе внѣ района смѣшанныхъ селеній, какъ уже сказано, вообще относятся къ татарамъ съ недовѣріемъ и, пожалуй, недружелюбно; сильно порицаютъ перешедшихъ въ магометанство, не скрываютъ своего презрѣнія къ нимъ, совѣтуютъ оставить магометанскіе обряды, а иногда прекращаютъ съ ними всякія связи и сношенія. Поэтому магометане не ограничиваются присоединеніемъ язычника и оказаніемъ ему матеріальной помощи, — забота ихъ обнимаетъ и духовныя потребности его: новообращеннаго никогда не оставляютъ безъ надзора и руководства, — за нимъ тщательно слѣдятъ, часто навѣщаютъ, наставляютъ, поучаютъ; онъ не чувствуетъ своей изолированности среди сородичей-иновѣрцевъ; всесторонняя забота не только предохраняетъ его отъ всякаго вреднаго вліянія, но даетъ ему нравственную силу пребывать неизмѣнно твердымъ въ новой религіи. Такъ какъ религія и народность по взгляду магометанъ тѣсно связаны между собой, то обращеніе язычника въ исламъ при вышесказанныхъ условіяхъ равносильно перемѣнѣ національности: онъ роднится

исключительно съ магометанами или съ такими же, какъ самъ, новообращенными, совершенно оставляетъ свои прежніе обычаи, обряды, принимаетъ татарскій языкъ, мыслитъ и чувствуетъ по-магометански, такимъ образомъ тѣсно сливается съ татарами-магометанами.

Не менѣе важную причину, побуждающую новообращенныхъ крѣпко держаться новой религіи, нужно видѣть въ тѣхъ послѣдствіяхъ, къ какимъ ведетъ отпаденіе. Извѣстно, что въ глазахъ магометанина невѣрный, т.-е. немусульманинъ — діаволъ, кяфыръ, отступникъ отъ истины, всѣ его дѣла ничтожны, онъ достоинъ не только презрѣнія, но и смерти. На основаніи такого взгляда на отступника, магометанинъ напрягаетъ всѣ силы ума и воли къ тому, чтобы доканать его, какъ хулителя, оскорбителя религіи и Самого Бога. Отступникъ подвергается безпощадному и систематическому преслѣдованію; въ каждую минуту онъ долженъ опасаться мщенія, на него сыплются всевозможныя бѣдствія: крадутъ лошадей, уводятъ коровъ, грабятъ, или поджигаютъ домъ и отступникъ изъ прежняго зажиточнаго магометанина обращается въ бѣднаго язычника, котораго мусульмане и представляютъ жертвой Божьей кары. Сообщаемыя здѣсь свѣдѣнія объ обращеніи язычниковъ въ исламъ и преслѣдованіи отступниковъ мною впервые были добыты въ Матахъ и Урьяды. Впослѣдствіи точно такія же свѣдѣнія доставлены мнѣ черемисиномъ дер. Камеевой Т. В. и изъ Белебеевскаго у. учителемъ Р. Подобные же пріемы обращенія и преслѣдованія отпавшихъ практикуются среди черемисъ и вотяковъ Елабужскаго у. Вятской губ. Слѣдовательно, изложенный выше способъ пропаганды болѣе или менѣе одинаковъ для различныхъ мѣстностей края.

Не лишне указать на одно условіе, особенно благопріятствующее магометанской пропагандѣ — это издавна сложившаяся отчужденность русскаго отъ инородца. Русскій простолюдинъ всегда смотрѣлъ и смотритъ на инородца, какъ на человѣка низкаго по происхожденію; ставя себя гораздо выше, онъ не скупится на всевозможныя оскорбительныя для инородца прозвища. Инородецъ въ глазахъ русскаго останется въ нѣкоторомъ униженіи „крещеной лопаткой“, „собакой“, „поганою мышью“, не-

смотря даже на принятіе христіанства. Такое презрительное и брезгливое отношеніе не сближаетъ инородца, въ частности черемисина, съ русскимъ, напротивъ дѣйствуетъ отталкивающимъ образомъ, исключаетъ возможность обоюднаго довѣрія, тѣмъ болѣе, что окружающее магометанство стремится привить черемисамъ все то, что способствуетъ его собственной отчужденности. Какъ сами магометане живутъ особнякомъ, безъ крайней нужды не входятъ въ сношенія съ русскими, не только не любятъ ихъ, но и презираютъ, такъ и черемисъ оберегаютъ отъ сближенія съ русскими, всѣми мѣрами поддерживаютъ и развиваютъ ихъ обособленность. Замѣчательно, что черемисы, за исключеніемъ небольшой ихъ части, живущей вблизи русскихъ, питаютъ къ нимъ и христіанской религіи не меньшую ненависть и презрѣніе, чѣмъ магометане. Какъ для магометанина, такъ и для черемисина-язычника одинаково непріятно звучатъ слова *кряшын*, *чокынган* (оба слова значитъ крещеный). Эти слова служатъ синонимомъ чего-то самаго недобраго, безнадежно гибнущаго, злополучнаго и крайне испорченнаго. *Кяфыр* (по черемисскому произношенію *тяфыр, тяпыр*), *кряшын, чокынган* въ устахъ магометанъ и мѣстныхъ язычниковъ сдѣлались однозначащими словами. Если черемисинъ заслышитъ о крещеніи единовѣрца, а тѣмъ болѣе родственника, то приходитъ въ искреннее отчаяніе, высказываетъ глубокое неподдѣльное сожалѣніе, какъ о человѣкѣ безвозвратно погубившемъ себя; такимъ образомъ крещеніе въ глазахъ черемисина равносильно гибели. Такое представленіе язычниковъ и магометанъ о крещеніи и крещеныхъ составилось далеко не по одному лишь вліянію магометанства. Въ возникновеніи и утвержденіи его значительная доля вины падаетъ и на православныхъ.

Выше мы видѣли, какою чисто отеческою заботою окружаютъ магометане язычниковъ, обратившихся въ ихъ религію. То ли мы видимъ среди православныхъ? Вселяетъ ли наше духовенство въ новообращеннаго твердое и положительное убѣжденіе въ христіанствѣ предварительною подготовкою, испытаніемъ? Сообщаются ли ему христіанскія истины въ томъ размѣрѣ, какой необходимъ для приложенія ихъ въ жизни? Проникнутъ ли

онъ сознаніемъ важности своего обращенія въ христіанство? Знаетъ ли новообращенный христіанскія молитвы? Убѣжденъ ли духовный отецъ, наставляющій язычника, что обращенный хоть внѣшнимъ образомъ останется христіаниномъ? Принимаются ли мѣры къ огражденію новообращеннаго отъ внѣшнихъ вредныхъ вліяній? На многіе подобные вопросы приходится отвѣчать совершенно отрицательно. Какъ воспріемники, обязанные наставлять и укрѣплять новообращеннаго въ правилахъ вѣры и христіанскаго благочестія, такъ всѣ вообще православные большею частію равнодушны и холодны къ участи его. Презираемый сородичами иновѣрцами и нерѣдко преслѣдуемый ими, онъ принужденъ искать пропитанія на сторонѣ, среди чужихъ людей, безъ всякаго призора, защиты и руководства. Потерявъ надежду на счастье семейной жизни, всегда лелѣемой инородцемъ, обуреваемый сомнѣніями, не встрѣчая привѣта и особеннаго расположенія со стороны русскихъ, всегда видящихъ въ немъ человѣка чужого и низкаго, такимъ образомъ предоставленный себѣ и своимъ сомнѣніямъ, свое горе онъ забываетъ во всепримиряющей водкѣ; вспоминая за водкой минуты потери душевнаго спокойствія, съ глубокимъ отчаяніемъ заявляетъ о своемъ безотрадномъ положеніи словами: „нѣтъ человѣка хуже того, который оставилъ свою вѣру". Неприглядная участь большинства новокрещеныхъ въ высшей степени смущаетъ ихъ единоплеменниковъ, вселяя въ нихъ недовѣріе къ христіанской религіи и къ русскимъ, какъ христіанамъ.

Татары, будучи неразборчивы въ средствахъ униженія христіанской религіи, прибѣгаютъ и къ разнымъ выдумкамъ, издѣвательствамъ; такъ они смѣются надъ крестнымъ знаменіемъ („мухъ ловитъ"; „опьянѣлъ, хочетъ ухватиться за что-нибудь"; „на томъ свѣтѣ на лбу, груди и плечахъ будутъ зіяющія раны"), распространяютъ слухи о законахъ, будто бы запрещающихъ переходъ въ христіанство, объ особомъ расположеніи правительства къ магометанской вѣрѣ, о превосходствѣ муфтія надъ архіереемъ („архіереевъ много, а муфтіевъ только два"), наконецъ, самыя благія мѣры, принимаемыя въ пользу инородцевъ, истолковываются превратно. Трудно предполагать, чтобы нелѣ-

ныя сужденія о русскихъ располагали черемисъ къ русской вѣрѣ и народности.

Полное невѣдѣніе потребностей инородцевъ и игнорированіе магометанской пропаганды содѣйствуютъ поддержанію и распространенію среди разныхъ шаманствующихъ инородцевъ ислама. Магометанская религія всегда была религіей воинствующей, стремящеюся къ новымъ завоеваніямъ; она поглотила и обезличила многихъ нашихъ инородцевъ. Такъ башкиры, ранѣе другихъ инородцевъ Пріуралья подпавшіе вліянію татаръ, по словамъ Н. А. Ѳирсова „въ какія-нибудь 50 или 60 лѣтъ послѣ паденія Казани оформировались па магометанскій ладъ и явились послушнымъ орудіемъ въ рукахъ разныхъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ потомковъ татарскихъ хановъ и муллъ [1])". До начала нынѣшняго столѣтія всѣ киргизы были шаманистами; ложно истолкованные интересы этихъ кочующихъ инородцевъ были причиной сильнаго распространенія среди нихъ магометанства, принявшаго съ теченіемъ времени столь громадные размѣры, что сами киргизы обращались къ правительству съ ходатайствомъ о пріостановленіи развивающагося между ними магометанства [2]). Еще недавно всѣ калмыки были буддистами; нынѣ значительная ихъ часть увлечена въ исламъ. Точно также, многіе изъ устоявшихъ противъ христіанства инородцевъ Сибири обнаруживаютъ склонность къ исламу, что уже было подтверждено оффиціально. Если таковы успѣхи магометанства тамъ, гдѣ магометанскій элементъ въ первое время былъ незначителенъ, то не можетъ быть никакого сомнѣнія, — если положеніе не измѣнится, — въ будущемъ поголовномъ обращеніи въ магометанство черемисъ, сплошь окруженныхъ татарами, сильными не только численностью, но и сравнительно большими успѣхами, достигнутыми магометанскимъ просвѣщеніемъ.

Выше, на основаніи мѣстныхъ названій и связанныхъ съ ними преданій я указалъ, что издавна многія черемисскія селенія превратились въ магометанскія и что этотъ процессъ превращенія язычниковъ-черемисъ въ магометанъ не только не ослабѣ-

---

[1]) Н. А. Ѳирсовъ. Инородческое населеніе прежняго Каз. Царства.

[2]) Е. А. Маловъ. О татарскихъ мечетяхъ въ Россіи.

ваетъ, но напротивъ принимаетъ все большіе и большіе размѣры, захватывая громадный кругъ смѣшанныхъ черемисско-татарскихъ селеній съ населеніемъ наполовину омагометанившимся, или близкомъ къ полному сліянію съ татарами какъ въ образѣ жизни, понятіяхъ, вѣрованіяхъ, такъ и во внѣшнемъ своемъ видѣ. Опредѣленіе наружности черемисъ, какъ и всякаго другого не обособленнаго народа, чрезвычайно трудно, такъ какъ ни одинъ тѣлесный признакъ не принадлежитъ исключительно одной какой-либо расѣ, а всѣ они теряются въ безконечныхъ переходахъ и переливахъ. Но несмотря на это, свыкаясь съ физіономіей восточныхъ черемисъ и извлекая отличительныя признаки изъ обстановки ихъ, костюма, способа носить волосы, усы, бороду и проч., нельзя не придти къ заключенію, что восточные черемисы представляютъ собой спеціальный типъ, значительно уклоняющійся отъ обще-черемисскаго. Это уклоненіе отъ родоначальнаго западно-черемисскаго типа есть по преимуществу результатъ скрещиванья съ мѣстными инородцами—татарами и башкирами. Черемисское населеніе, какъ уже сказано, утеряло рѣзкія черты религіозныхъ и національныхъ предразсудковъ, которыя могли бы препятствовать сближенію съ татарами и башкирами; поэтому оно легко приспособляется къ обычаямъ и общему характеру инородцевъ-магометанъ. При такихъ благопріятныхъ условіяхъ скрещиванье происходитъ въ широкихъ размѣрахъ, въ особенности тамъ, гдѣ черемисское населеніе оказывается въ меньшинствѣ, и способствуетъ выработкѣ своеобразно-однороднаго типа, очень близкаго къ татарско-башкирскому [1]).

Теперь уже представляется несомнѣннымъ, что смѣшанныя селенія въ ближайшемъ будущемъ превратятся въ магометанско-татарскія, а черемисы сплошного населенія займутъ въ отношеніи магометанъ такое же положеніе, какое нынѣ занимаютъ ихъ сородичи области смѣшанныхъ селеній. Если и впредь сохра-

[1]) Изъ прилагаемыхъ здѣсь фотографическихъ снимковъ черемисъ различной степени метизаціи видно, что типъ А при нѣкоторомъ сходствѣ съ обще-черемисскимъ типомъ, представляетъ сравнительно слабое выраженіе помѣси черемисскаго племени со смуглымъ монгольско-татарскимъ, чѣмъ преобладающіе типы Б и В, значительно уже приближающіеся, особенно послѣдній къ типамъ татарскому и башкирскому.

А Б В

нятся нынѣшнія условія магометанской пропаганды, предоставляющія исламу полную свободу дѣйствія и не будетъ принято надлежащихъ мѣръ къ пресѣченію развивающагося зла, то въ будущемъ магометанство подготовитъ немало затрудненій; оно усилится на счетъ инородцевъ язычниковъ, которые такимъ образомъ ускользнутъ отъ христіанскаго просвѣщенія и всѣ мѣры обрусенія будутъ на столько же безполезны, какъ нынѣ въ отношеніи татаръ и нѣкоторыхъ другихъ магометанъ, отличающихся упорною и фанатическою преданностью своей религіи, исключающей всякое критическое отношеніе къ себѣ и запрещающей входить въ дружество съ немусульманами.

XI.

Школы, какъ самое дѣйствительное средство противъ мусульманской пропаганды.—Школы инородческія.—Бирская инородческая учительская школа.—Начальная инородческая школа.—Неудовлетворительное состояніе ея.—Необходимость и средства ея улучшенія.

Опасность отъ магометанской пропаганды въ краѣ не только въ отношеніи инородческаго населенія, но и кореннаго русскаго, сравнительно малочисленнаго и къ тому же лишеннаго соотвѣтствующаго образованія, болѣе или менѣе сознавалась давно. Главною мѣрою противодѣйствія вліянію магометанства служило распространеніе образованія. Съ половины 40 годовъ здѣсь стали открываться школы и для инородческаго населенія; въ то же время инородцы-башкиры и черемисы стали привлекаться и въ русскія школы. Уже въ 1847 году въ Бирскомъ уѣздномъ училищѣ, наравнѣ съ дѣтьми горожанъ, обучались дѣти башкиръ, въ приходскомъ училищѣ обучалось до 30 человѣкъ дѣтей черемисъ. Съ открытіемъ въ 1858 году школъ и интерната на 25 башкирскихъ мальчиковъ при Бирскомъ уѣздномъ училищѣ число грамотныхъ инородцевъ-башкиръ и черемисъ стало все болѣе и болѣе увеличиваться. Благопріятные результаты первыхъ попытокъ проведенія русской грамотности послужили побужденіемъ къ открытію въ 1862 г. пансіона для 40 башкирскихъ дѣвочекъ и въ 1865 г. двухъ школъ въ дер. Чураевой и Кісбановой исключительно для черемисъ. Послѣднія черезъ 4 года

были закрыты и учащіеся переведены въ Уфу. Съ перечисленіемъ въ 1872 г. башкирскаго капитала въ спеціальныя средства Министерства Народнаго Просвѣщенія число башкирскихъ стипендіатовъ при Бирскомъ уѣздномъ училищѣ увеличено до 60. Стипендіей наравнѣ съ дѣтьми коренныхъ башкиръ пользовались дѣти ново-башкиръ, черемисъ и отчасти вотяковъ. По иниціативѣ бывшаго Министра Народнаго Просвѣщенія графа Д. А. Толстаго въ 1877 г. было открыто до 20 инородческихъ школъ для черемисъ и вотяковъ и наконецъ въ 1882 г. въ г. Бирскѣ открыта Инородческая учительская школа [1]).

Изъ сказаннаго выше о магометанской пропагандѣ, принявшей столь грозные и опасные размѣры, видно, что учрежденіе Бирской инородческой школы, имѣющей ближайшею цѣлью приготовленіе свѣдущихъ и опытныхъ учителей изъ среды самихъ же инородцевъ, а отдаленною—сближеніе инородцевъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ, является вполнѣ своевремённою и разумною мѣрою, отвѣчающею насущной потребности „русское воспитаніе противопоставить въ средѣ язычества воспитанію татарско-мусульманскому“. Бирская учительская школа, въ теченіи 12 лѣтъ, неуклонно стремясь къ выполненію предназначенной ей цѣли, приняла характеръ вполнѣ миссіонерскаго и христіанско-воспитательнаго учрежденія. За время своего существованія она дала 10 выпусковъ учителей для начальныхъ инородческихъ школъ; за это время въ ней окончило курсъ 82 человѣка (28 правосл. 54 язычн.); изъ 54 окончившихъ курсъ язычниковъ приняло св. крещеніе 38 челов., изъ нихъ 8 человѣкъ съ женами и дѣтьми. Несомнѣнно, эти новообращенные честно выполнятъ свою воспитательную миссію по отношенію къ язычествующимъ собратіямъ, привлекая ихъ въ лоно православной церкви. Дай Богъ, чтобы это существенно необходимое по мѣстнымъ условіямъ христіанско-просвѣтительное учрежденіе развивалось, крѣпло въ принятомъ направленіи, не увлекаясь посторонними цѣлями, не отвѣчающими ея основнымъ задачамъ педагогическаго и миссіонерско-воспитательнаго заведенія.

[1]) Н. Н. Вишневецкій. Бирская инородческая учительская школа (1882—1891 г.г.) Уфимскія Губ. Вѣд. 1892 г. №№ 13, 14, 15 и 16

Что касается начальной инородческой школы, то успѣхи ея въ отношеніи воспитательнаго вліянія на языческое населеніе слѣдуетъ считать болѣе, чѣмъ незавидными: питомцы ея, по окончаніи школьнаго обученія возвратившіеся въ родную среду, въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ почти совершенно сливаются съ послѣдней. Такое грустное явленіе, мнѣ кажется, есть вполнѣ естественный результатъ съ одной стороны практиковавшейся системы обученія и съ другой—вліянія среды. Хотя учителями состояли черемисы, но обученіе шло исключительно на русскомъ, чужомъ и непонятномъ для дѣтей языкѣ. Это обстоятельство должно было имѣть весьма важныя послѣдствія для воспитательнаго воздѣйствія на питомцевъ школы. Всякому инородцу изъ деревенской глуши по личному опыту извѣстно, съ какими усиліями сопряжено усвоеніе русской грамотности; для него, вслѣдствіе своеобразнаго хода и направленія его мышленія, обусловливаемыхъ природою родного языка, русская рѣчь мало понятна, неубѣдительна и все обученіе носитъ характеръ механической работы: представленія и понятія рѣдко воспринимаются имъ сознательно, сохраняются только памятью, скользя по душѣ и не дѣлаясь внутреннимъ достояніемъ. Только послѣ продолжительнаго и болѣе или менѣе всесторонняго развитія, въ условіяхъ благопріятныхъ для этого, постепенно сглаживается укоренившаяся привычка полусознательнаго отношенія къ понятіямъ и знаніямъ, пріобрѣтеннымъ въ школѣ. Тогда какъ при первоначальномъ обученіи на родномъ языкѣ, точно соотвѣтствующемъ мышленію дѣтей, когда они легко понимаютъ и убѣждаются доводами учителя, сообщаемыя понятія прочны по силѣ впечатлѣнія, ясны, опредѣленны для ума, и потому оказываютъ благодѣтельное вліяніе на сердце и нравственное чувство. Несмотря на благотворное вліяніе первоначальнаго обученія на родномъ языкѣ, частью вслѣдствіе незнакомства съ руководящими началами положенія 26 марта 1870 г., частью по предубѣжденному взгляду на систему инородческаго образованія при посредствѣ родного языка, въ мѣстныхъ черемисскихъ школахъ на родное нарѣчіе обращалось недостаточное вниманіе и увлеченіе русскимъ преподавательскимъ языкомъ дало какъ разъ противоположные резуль-

таты, чѣмъ какіе ожидались. Казалось бы, преподаваніе Закона Божія, исполненіе молитвъ передъ началомъ и по окончаніи уроковъ, празднованіе воскресенья вмѣсто магометанско-языческой пятницы, посѣщеніе школы безъ тюбетейки и проч. порядки, устанавливаемые и поддерживаемые школою, должны свидѣтельствовать о результатахъ, достигаемыхъ школою. Но это далеко не такъ. Если дѣти черемисъ безъ ропота родителей подчиняются школьнымъ порядкамъ, занимаются предметами школьнаго курса, то потому, что черемисы видятъ въ нихъ не личное желаніе и произволъ учителя, а начальственное требованіе, ни къ чему не обязывающее ученика по выходѣ изъ школы, лишь бы дѣти усвоили главное,—„умѣніе читать и писать". Кромѣ того, Законъ Божій и другіе предметы дѣти изучаютъ не по влеченію къ сообщаемымъ истинамъ и любознательности, а по необходимости такого рода познаній на ревизіяхъ и экзаменахъ. Вслѣдствіе такого отношенія къ школьному обученію, прочно укоренившемуся въ черемисахъ, и по возможности для преподательскаго (русскаго) языка непосредственно говорить уму и сердцу, сообщаемыя истины не возбуждаютъ и не затрагиваютъ живыхъ струнъ души; какъ познанія, пріобрѣтенныя въ силу внѣшняго давленія и въ то же время поверхностныя и механическія, онѣ скоро забываются. Кромѣ того, отъ мальчика-инородца едва ли можно требовать, чтобы онъ, проучившись въ школѣ 3 зимы, а иногда и 2, и то съ большими перерывами во время каникулъ (почти съ половины апрѣля до половины октября), не всегда исправно посѣщавшій училище по условіямъ домашней жизни, успѣлъ окрѣпнуть въ познаніяхъ и навыкахъ. Такъ какъ во все время школьнаго обученія онъ находится подъ безусловнымъ авторитетомъ семьи съ ея понятіями и міровоззрѣніемъ, то и благотворное воздѣйствіе школы парализуется вліяніемъ невѣжественнаго населенія и встрѣчаетъ почти непреодолимое затрудненіе для проявленія въ жизни. Окончивъ курсъ начальной школы, двухкласснаго и уѣзднаго училищъ, мальчикъ или юноша, подъ вліяніемъ вѣрованій, предразсудковъ и невѣжества, вынужденъ какъ бы таиться со своимъ запасомъ знаній, пока среда окончательно не втянетъ ихъ въ свои интересы и въ самомъ зародышѣ не

убьетъ смутное стремленіе къ свѣту и знанію. Подъ такимъ могущественнымъ и пагубнымъ вліяніемъ дѣти скоро утрачиваютъ печать пріобрѣтенной облагороженности и погрязаютъ въ тинѣ народнаго невѣжества или, еще хуже, дѣлаются опасными коноводами-недоучками, съ авторитетомъ грамотныхъ отстаивающими и защищающими языческо-магометанскій складъ жизни своихъ сородичей. Изложенное мнѣніе о вліяніи школы и среды многимъ можетъ показаться поспѣшнымъ, необдуманнымъ и голословнымъ. Осмѣливаюсь утверждать, что оно основано на дѣйствительныхъ фактахъ, взятыхъ непосредственно изъ жизни: авторъ самъ инородецъ, вышелъ изъ той же темной, непросвѣщенной среды черемисъ, знаетъ ихъ бытъ, вѣрованія, имѣлъ возможность наблюдать вліяніе школьнаго обученія на себѣ, школьныхъ товарищахъ, своихъ ученикахъ и наконецъ на взрослыхъ инородцахъ, обучавшихся въ двухклассномъ и уѣздномъ училищахъ.

Слѣдовательно, мѣстная инородческая школа, чтобы достигать своихъ цѣлей и оправдывать свое назначеніе должна усилить средства вліянія на своихъ питомцевъ и принять мѣры борьбы съ указаннымъ выше, неблагопріятнымъ для нея вліяніемъ населенія. Наиболѣе цѣлесообразнымъ средствомъ для школьнаго воздѣйствія на дѣтей слѣдуетъ признать родной языкъ; только родной языкъ, непосредственно дѣйствующій на всю духовную природу человѣка, устранитъ послѣдствія механическаго изученія русской грамоты, служа орудіемъ первоначальнаго обученія и перевоспитанія въ духѣ православія и русской народности, онъ можетъ содѣйствовать косвенному вліянію и на населеніе, подготовляя сближеніе его въ будущихъ поколѣніяхъ съ русскимъ народомъ на почвѣ религіозной.

Благотворные результаты дѣятельности крещено-татарскихъ и чувашскихъ школъ, въ которыхъ во всей полнотѣ примѣнялось положеніе 26 марта 1870 г. могутъ служить вполнѣ достаточнымъ ручательствомъ разумности, цѣлесообразности и крайней необходимости примѣненія родного языка для христіанскаго просвѣщенія инородцевъ [1]). На благотворное вліяніе родного языка

[1]) Книги на восточномъ (Бирскомъ) черемисскомъ нарѣчіи имѣются и читаются въ черемисскихъ языческихъ и христ. школахъ, но, къ сожалѣнію, ихъ пока мало. Крайне необходимо увеличить число ихъ.

въ смыслѣ прочности и твердости сообщаемыхъ свѣдѣній указываютъ и мѣстные учителя инородческихъ школъ. „Въ послѣднее время“, пишетъ одинъ изъ нихъ, „на уроки черемисскаго чтенія я обращалъ особенное вниманіе, такъ какъ замѣчаю, что эти занятія много помогаютъ успѣшности учениковъ; особенно это замѣтно по Закону Божію. Съ того времени, какъ сильнѣе сталъ напирать на эти уроки, мой законоучитель не нахвалится успѣхами учениковъ-черемисъ; они буквально превзошли товарищей русскихъ; гораздо лучше ихъ знаютъ и помнятъ по Закону Божію. Хотя ученики средняго отдѣленія затрудняются въ передачѣ по-русски, тѣмъ не менѣе видно, что читаемое на родномъ языкѣ глубоко запечатлѣвается въ душѣ. Если сравнить отвѣты черемисъ на родномъ языкѣ и русскихъ на своемъ, невольно поражаешься успѣхами однихъ и плохимъ знаніемъ другихъ. Ученики же старшаго отдѣленія, довольно хорошо уже владѣющіе русскимъ языкомъ, передаютъ разсказы превосходно“. По отзывамъ учителей, дѣти весьма охотно читаютъ книги на родномъ языкѣ, передаютъ содержаніе ихъ дома, въ семьѣ; чтеніе книгъ и пѣніе на родномъ и понятномъ языкѣ не остается безъ вліянія и на родителяхъ учениковъ. Чтеніе и пѣніе на родномъ нарѣчіи въ глуши черемисскихъ селеній производитъ иногда по истинѣ поразительное впечатлѣніе и, при умѣломъ руководствѣ учителя, распространеніе христіанско-поучительныхъ книгъ и брошюръ можетъ оказать громадную услугу не только проведенію въ среду черемисъ христіанскихъ истинъ, но и какъ средство борьбы съ вліяніемъ магометанства. Изъ собранныхъ въ разныхъ мѣстахъ отзывовъ и мнѣній черемисъ и сельскихъ учителей о переводахъ я приведу слѣдующія, болѣе характерныя. „О книгахъ на своемъ языкѣ черемисы не имѣли понятія“, пишетъ мнѣ одинъ изъ учителей: „твердо вѣрили своему преданію, что ихъ книга съѣдена коровой. Каково же было ихъ изумленіе, когда у учениковъ появились книги на черемисскомъ языкѣ [1]). Слухъ о книгѣ на черемисскомъ языкѣ быстро распространился среди черемисъ; многіе нарочито пріѣзжали изъ окрестныхъ деревень, чтобы лично

---

[1]) Священная исторія ветх. зав. Изд. Прав. Мис. Общ. 1879 г.

убѣдиться въ существованіи книгъ; многіе брали ихъ въ руки, внимательно разсматривали, заставляли читать. Такъ сильно было впечатлѣніе, произведенное книгами. Догадкамъ и толкамъ не было конца. Не безъ гордости и удовольствія черемисы стали говорить и татарамъ: „и у насъ есть свои книги; мы только не знали, да и какъ было знать намъ, неучамъ? Говорятъ объ Авраамѣ писано такъ, какъ черемисы вѣруютъ". Другой пишетъ: . . „пѣніе молитвъ на черемисскомъ языкѣ очень нравится дѣтямъ и ихъ родителямъ. Раньше рѣдко кто изъ взрослыхъ заглядывалъ въ школу. Теперь по пятницамъ иногда набирается полный домъ слушателей; заходятъ не только мужики, но нерѣдко бабы и дѣвушки. Расходясь домой, черемисы-старики почти всегда благодарятъ меня, а ученикамъ говорятъ: учитесь, учитесь!" Приведенные факты достаточно ясно говорятъ сами за себя и не требуютъ поясненій. Игнорированіе такимъ благопріятнымъ отношеніемъ черемисъ къ переводамъ на ихъ родномъ языкѣ было бы равносильно преднамѣренному желанію оттолкнуть ихъ съ пути христіанскаго просвѣщенія въ объятія магометанъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе не дремлютъ; они хорошо поняли противодѣйствующую ихъ собственной пропагандѣ силу переводовъ, всѣми мѣрами стремятся вооружить противъ нихъ языческое населеніе. „Русскіе подкупили грамотныхъ черемисъ и вотъ они поддѣлали русскія книги подъ наши, чтобы легче было васъ сманить въ свою вѣру", говорятъ татары: „эти книги шайтанъ писалъ, какъ же вы слушаете", твердятъ другіе. Не нужно думать, чтобы такія предостереженія, дѣлаемыя татарами по обыкновенію съ тономъ авторитета, не допускающимъ мѣста сомнѣнію или возраженію, не оказывали своего вліянія. Такъ въ (В.-С.) школѣ въ нынѣшнемъ году изъ мѣстныхъ черемисскихъ дѣтей осталось только 2; всѣ остальные взяты родителями, такъ какъ, по ихъ словамъ, „учитель пѣніемъ молитвъ и чтеніемъ на черемисскомъ языкѣ хочетъ совратить ихъ дѣтей въ русскую вѣру".

XII.

Другія мѣры, кромѣ школы, для просвѣщенія инородцевъ.—Недостаточность школъ. — Сравнительная статистика мусульманскихъ и православныхъ школъ.—Необходимость открытія женскихъ школъ и пріюта для готовящихся къ крещенію и новокрещенныхъ.—Общіе выводы и заключеніе.

Изъ сказаннаго о вліяніи окружающей среды на питомцевъ школы ясно, что однимъ лишь обученіемъ подростающаго инородческаго поколѣнія безъ другихъ мѣръ поднятія уровня умственнаго и религіозно-нравственнаго состоянія самого населенія и бывшихъ учениковъ, вступившихъ въ зрѣлый возрастъ, школа никогда не выведетъ населеніе изъ тьмы невѣжества; ея воздѣйствіе на жизнь инородцевъ будетъ мало дѣйствительное и лишь временное. Слѣдовательно, чтобы устранить или по крайней мѣрѣ ослабить пагубное вліяніе невѣжественной среды необходимо съ одной стороны принять мѣры къ поддержанію и укрѣпленію пріобрѣтенныхъ бывшими питомцами школъ познаній, съ другой— распространить умственное и религіозно-нравственное просвѣщеніе и на все населеніе. Такими мѣрами могутъ служить: а) устройство при школахъ повторительныхъ курсовъ для окончившихъ курсъ и вступившихъ въ зрѣлый возрастъ и открытіе библіотекъ, а также б) организація праздничныхъ и воскресныхъ занятій со взрослыми. Учитель въ инородческой средѣ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи подростающаго поколѣнія, долженъ занимать такое же положеніе, какъ священникъ въ своей паствѣ. Какъ священникъ не можетъ ограничиваться въ религіозно-нравственномъ просвѣщеніи пасомыхъ только школьнымъ періодомъ, а напротивъ его забота переходитъ въ практическую жизнь христіанина и сопровождаетъ всѣ его возрасты, такъ и учитель иновѣрной инородческой среды долженъ обращать особенное вниманіе на подростающую часть населенія, на дѣтей, прошедшихъ черезъ школу. Для инородческой школы, въ виду ея положенія среди магометанъ и жалкаго религіозно-нравственнаго состоянія инородцевъ, было бы чрезвычайно большимъ пріобрѣтеніемъ, если бы въ языческой семьѣ былъ хоть одинъ человѣкъ, мысля-

щій и чувствующій по-христіански. Эти избранныя личности, получившія подготовительныя познанія, могли бы сознательно воспринимать наставленія своего учителя и незамѣтно для себя проводить свои познанія въ среду сородичей путемъ обычныхъ разговоровъ, сношеній, бесѣдъ и—главное—путемъ практическаго примѣненія ихъ въ своей жизни. Въ связи съ повторительными занятіями необходимо озаботиться о развитіи въ дѣтяхъ охоты и любви къ чтенію. Въ настоящее время трудно предполагать, чтобы при теперешнихъ бытовыхъ и иныхъ условіяхъ жизни инородцевъ мальчикъ могъ пріучить себя къ чтенію; поэтому было бы весьма полезно открытіе при школахъ библіотекъ и читаленъ, гдѣ бывшіе ученики, подъ руководствомъ учителя, могли бы продолжать свое образованіе и черпать полезныя свѣдѣнія. Въ виду особенностей развитія инородцевъ, ихъ пониманія и вкуса, библіотеки должны имѣть достаточное количество книгъ на родномъ и русскомъ языкахъ для безплатной раздачи.

Что касается до занятій со взрослыми, то таковыя еще болѣе необходимы. Живое слово учителя, непосредственная связь его съ населеніемъ, дастъ школѣ возможность воздѣйствовать на весь строй и ходъ жизни инородцевъ въ умственномъ, нравственномъ и религіозномъ отношеніяхъ. Учитель, вращаясь въ средѣ инородцевъ, можетъ ближе ознакомиться съ нуждами и потребностями ихъ, разъяснять недоразумѣнія, разоблачать ложь, разносимую магометанами, предохранять язычниковъ отъ вреднаго вліянія магометанства. Только при указанной дѣятельности учителя школа не стояла бы, какъ теперь, особнякомъ отъ населенія, а явилась бы орудіемъ борьбы съ магометанствомъ, просвѣтительнымъ учрежденіемъ; только тогда можно быть увѣреннымъ, что сѣмена, брошенныя школою въ дѣтскую душу, не будутъ заглушены, но возрастутъ и принесутъ плодъ. Думать, что указанныя занятія не привьются къ черемисамъ, могутъ только лица, очень поверхностно знающія инородцевъ. Въ виду важности и крайней необходимости указанныхъ мѣропріятій именно для мѣстной инородческой школы, желательно, чтобы лица, призванныя быть руководителями учителей и блюстителями интересовъ школы, отнеслись къ вопросу о внѣшкольной дѣятельности

учителя съ надлежащимъ вниманіемъ, подвергли его всестороннему разсмотрѣнію и обсужденію съ участіемъ сельскихъ учителей, близко знакомыхъ съ разнообразными мѣстными условіями и потому могущихъ дать самые вѣрныя и обстоятельныя свѣдѣнія.

Какъ ни важны и ни необходимы указанныя мѣры воздѣйствія на языческое населеніе, тѣмъ не менѣе, даже въ случаѣ ихъ осуществленія, вліяніе школы отразилось бы сравнительно на небольшомъ районѣ населенія. Въ настоящее время на 80.650 инородцевъ-язычниковъ Уфимской губ. существуетъ только 30 училищъ (изъ нихъ 3 въ городахъ: въ Бирскѣ 2—учительская школа съ начальнымъ при ней училищемъ и башкирское приходское училище и въ Уфѣ 1—2-хъ-классное черемисское училище), или одно учебное заведеніе на 2885 жителей. Въ 30 училищахъ ежегодно обучается отъ 600 до 650 дѣтей; остальная же масса дѣтей совершенно лишена возможности получить образованіе, хотя потребность въ образованіи сильно ощущается черемисами. Если смотрѣть на инородческія школы, какъ на средство борьбы съ вліяніемъ магометанства, то средство это крайне ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, какимъ обладаютъ мѣстные магометане. По свѣдѣніямъ волостныхъ правленій къ 1 января 1894 г. на 235.475 жителей магометанъ Бирскаго у. существовало 380 мечетей, не считая не оффиціальныхъ молитвенныхъ домовъ, замѣняющихъ мечети. Такъ какъ при каждой мечети непремѣнно по 1 школѣ (мектэбе, а иногда по 2, въ томъ числѣ медрессе) и по 3 духовныхъ лица (муэдзинъ, хатыбъ, имам-мугали), то на 235475 магометанъ до 760 школъ и мечетей или 1 школа на 320 жителей, или на каждыя 230 душъ мужскаго и женскаго пола по 1 наставнику. Вычитая изъ этого числа женскій полъ, получимъ по 1 наставнику на каждые 117 человѣкъ. Если къ числу наставниковъ отнести ахуновъ, мюдарисовъ—переходящихъ учителей, вродѣ учителей нашихъ школъ грамоты и мухтасиповъ, то показанное число человѣкъ на 1 наставника уменьшится до 90.

Приведенныя цифры хорошо объясняютъ твердость магометанства, совращеніе язычниковъ въ магометанство и препятствія къ распространенію христіанскаго просвѣщенія. Такому обилію просвѣтительныхъ средствъ и широкому развитію грамотности

у магометанъ необходимо противопоставить въ такой же мѣрѣ религіозно-христіанское просвѣщеніе язычниковъ. Только этимъ путемъ возможно удержать ихъ отъ совращенія въ магометанство. Болѣе вѣрнымъ и надежнымъ, по мѣстнымъ условіямъ, средствомъ можетъ служить школа, но при этомъ не нужно выпускать изъ виду главное орудіе просвѣщенія родное нарѣчіе.

Число существующихъ школъ для язычниковъ, по сравненію съ количествомъ магометанскихъ школъ, болѣе чѣмъ ничтожно. Принимая въ разсчетъ одинаковое число жителей того и другаго вѣроисповѣданія на 1 школу, для языческаго населенія необходимо до 250 школъ вмѣсто 30 теперешнихъ. Какъ ни велика эта цифра, однако же стремиться къ такому обезпеченію инородческаго образованія необходимо. Есть цѣлыя волости, съ преобладающимъ магометанскимъ населеніемъ, совершенно лишенныя школъ. Такъ въ Ваньшъ-Алнаутовской волости на 2287 человѣкъ язычниковъ черемисъ и вотяковъ, живущихъ въ сосѣдствѣ съ 12011 чел. магометанъ, нѣтъ ни одной школы; въ Старо-Балтачевской волости съ населеніемъ изъ 18341 магометанъ и 4259 чел. язычниковъ—тоже; въ Байгузинской, Байкибашевской, Кызылъ-Яровской волостяхъ на 53117 душъ магометанъ существуетъ 80 мечетей съ такимъ же количествомъ школъ и на 8362 души язычниковъ ни одной школы; въ волостяхъ Верхне-Татышлинской, Московской, Павловской, Кубіазовской, Никольской, Измаиловской и въ нѣкоторыхъ другихъ за неимѣніемъ школъ черемисы посылаютъ своихъ дѣтей въ магометанскія мектэбе. Нельзя сказать, чтобы это были благопріятныя условія для воздѣйствія на язычниковъ въ смыслѣ огражденія ихъ отъ вліянія магометанъ. Правительству, затрачивающему на инородческое образованіе немалыя суммы, нравственно обязаны помочь какъ Земство, такъ и мѣстный Епархіальный миссіонерскій комитетъ, кстати сказать, по странной случайности до сего времени не имѣющій среди язычниковъ Бирскаго у. ни одной школы. Наконецъ, среди русскаго народа, всегда чуткаго до интересовъ православной церкви, можетъ быть, найдутся добрые люди, которые помогли бы своими пожертвованіями на благое дѣло просвѣщенія свѣтомъ Христова ученія темныхъ язычниковъ.

Въ цѣляхъ привлеченія въ школы большого количества дѣтей язычниковъ представляется возможность воспользоваться и нынѣ существующими школами. Такъ, Уфимская двухклассная черемисская школа, вслѣдствіе отдаленности отъ центра языческаго населенія и ежегоднаго уменьшенія числа поступающихъ въ нее дѣтей инородцевъ съ большою пользою для дѣла можетъ быть переведена въ Бирскъ и соединена въ одно двухклассное училище съ Бирскимъ башкирскимъ приходскимъ училищемъ. Помимо привлеченія большаго количества дѣтей инородцевъ (г. Бирскъ въ отношеніи языческаго населенія занимаетъ центральное положеніе) и доставленія возможности получить образованіе бѣднѣйшему классу русскаго народа, не имѣющему средствъ помѣщенія своихъ дѣтей въ уѣздное или городское училища, новая двухклассная школа дала бы большее количество, чѣмъ теперь, подготовленныхъ кандидатовъ для поступленія въ Бирскую Инородческую Учительскую школу. Ежегодныя сбереженія, могущія образоваться отъ соединенія нынѣ отдѣльно существующихъ интернатовъ, могутъ быть употреблены на открытіе новыхъ школъ въ мѣстахъ, болѣе всего подпавшихъ вліянію магометанства.

Говоря объ образованіи язычниковъ, какъ средствѣ сближенія съ русскимъ народомъ и проведенія христіанскихъ истинъ, нельзя не указать на необходимость просвѣщенія элемента болѣе всего устойчиваго въ сохраненіи племенныхъ особенностей—женщинъ. Женщина по своему положенію въ семьѣ, какъ ближайшая и главная воспитательница подростающаго поколѣнія, принесетъ едва ли не больше пользы, чѣмъ мущина, проводящій жизнь въ тяжелой, трудовой работѣ внѣ дома. По мягкости сердца и большей впечатлительности, она скорѣе проникнется высокими христіанскими истинами и введетъ таковыя въ семью. Поэтому нельзя не пожелать скорѣйшаго осуществленія намѣченнаго къ открытію женскаго черемисскаго училища.

По поводу сосѣдства и вліянія русскихъ на инородцевъ было сказано, что они не только мало способны и нерасположены къ миссіонерству, но по недостатку собственнаго образованія и развитія нерѣдко оказываютъ на сосѣдей иновѣрцевъ нежелательное вліяніе. При низкомъ религіозно-нравственномъ

состояніи мѣстнаго русскаго населенія нельзя ожидать желаемаго успѣха и отъ мѣръ, предпринимаемыхъ въ видахъ сближенія инородцевъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ. Слѣдовательно, для того, чтобы православное населеніе своимъ непосредственнымъ вліяніемъ на инородцевъ содѣйствовало правительству и церкви въ ихъ заботахъ объ иновѣрцахъ, необходимо распространить образованіе среди него самого. Но и этого мало. Мы видимъ, что магометанство тѣмъ и сильно, что каждый мусульманинъ есть до извѣстной степени вѣропроповѣдникъ. Неужели наше духовенство не должно заботиться о вліяніи на инородцевъ черезъ своихъ пасомыхъ? Нужно, чтобы духовенство, въ особенности въ приходахъ, сопредѣльныхъ съ иновѣрческимъ населеніемъ, одновременно съ утвержденіемъ своихъ прихожанъ въ истинахъ вѣры, указывало при этомъ на высокія Евангельскія заповѣди, предписывающія жить въ мирѣ и согласіи со всѣми людьми, какого бы вѣроисповѣданія они ни были, наставляло бы, чтобы русскій народъ дѣлился съ сосѣдями язычниками и магометанами спасительными истинами своей религіи.

Среди нѣкоторыхъ мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей составилось убѣжденіе, что пропаганда христіанскаго ученія между язычниками путемъ миссіонерства черезъ духовенство не примѣнима и даже опасна. Такой взглядъ на вѣропроповѣдничество, возникшій на почвѣ незнанія многоразличныхъ условій жизни инородцевъ, не можетъ одинаково примѣняться по всѣмъ безъ различія мѣстностямъ съ инородческимъ населеніемъ. Есть волости, какъ напр. Касевская, Кутеремская и Чарауловская, гдѣ рядомъ съ русскими и крещеными черемисами живутъ язычники, нисколько не чуждающіеся христіанства; они имѣютъ частыя сношенія съ русскими, склонны къ перениманію внѣшней обстановки и обычаевъ, усвоили нѣкоторые христіанскіе взгляды. При такихъ условіяхъ открытая миссіонерская проповѣдь вполнѣ примѣнима и, какъ показываетъ дѣятельность оо. Алопзова и В.[1]), имѣла бы самыя благія послѣдствія. Къ сожалѣнію, сельское

---

[1]) о. Алопзовъ въ 40 годахъ подвизался среди черемисъ Касевской вол. Объ немъ черемисы до сего времени сохранили самое теплое воспоминаніе. О. В., молодой священникъ полный энергіи, трудился въ сосѣдней волости.

духовенство не всегда стояло на высотѣ своего призванія: оно не только не стремилось къ благовѣствованію Евангельскаго ученія среди язычниковъ, но и чуждалось ихъ, оставляя безъ вниманія просвѣщенныхъ свѣтомъ Христова ученія черемисъ; нерѣдко нѣкоторые священники не только по нѣсколько лѣтъ не заглядывали къ своимъ прихожанамъ-инородцамъ, но многихъ и не знали. Вслѣдствіе такого равнодушія крещеные черемисы, при всѣхъ своихъ хорошихъ задаткахъ, до сего времени по убѣжденіямъ остаются язычниками; они лишены самыхъ элементарныхъ понятій объ исповѣдуемой ими религіи. Въ числѣ многихъ причинъ, неблагопріятствующихъ миссіонерской дѣятельности среди инородцевъ, духовенство указываетъ на незнакомство съ языкомъ, вѣрованіями и образомъ жизни инородцевъ. Какъ ни важны сами по себѣ эти причины, но онѣ не всегда могутъ служить извиняющимъ обстоятельствомъ и устраненіе ихъ всецѣло зависитъ отъ доброй воли самого духовенства,—тѣмъ болѣе, что многіе священники едва ли не всю жизнь проводятъ въ инородческихъ приходахъ, а слѣдовательно имѣютъ время и возможность ознакомиться съ языкомъ инородцевъ и мѣстными условіями. Дѣятельность вышепомянутыхъ почтенныхъ пастырей лучше всякихъ словъ говоритъ въ пользу того, что можетъ сдѣлать духовенство при внимательномъ и болѣе энергическомъ отношеніи къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ [1]).

Слѣдуетъ указать еще на одну мѣру, могущую оказать весьма важную услугу дѣлу миссіи среди мѣстныхъ инородцевъ. Извѣстно, что враждебное отношеніе язычниковъ и магометанъ къ своимъ единоплеменникамъ, обращающимся въ христіанство, подчасъ ставитъ новообращенныхъ въ крайне тяжелое и печальное положеніе и тѣмъ препятствуетъ успѣшному распространенію христіанства. Для устраненія подобныхъ неблагопріятныхъ условій представляется необходимымъ открытіе такого учрежденія, которое бы заботилось не только о религіозномъ назиданіи и руководствѣ новокрещеныхъ, но и житейскихъ ихъ нуждахъ и

---

1) Было бы крайне необходимо духовенству Бирскаго у. обратить особенное свое вниманіе на *крещеныхъ* черемисъ, живущихъ вмѣстѣ съ язычниками. Доселѣ оно мало обращало вниманіе на этихъ своихъ пасомыхъ.

матеріальномъ благосостояніи. Въ немъ новообращенные и готовящіеся ко крещенію инородцы всѣхъ возрастовъ, а также малолѣтніе сироты (русскіе и инородцы) находили бы себѣ пріютъ и убѣжище. Что касается до средствъ содержанія пріюта и необходимаго при немъ огласительнаго училища, то таковыя могли бы дать частныя лица и существующія благотворительныя учрежденія.

Изъ всего вышеизложеннаго о магометанской пропагандѣ видно, что исламъ съ большимъ успѣхомъ готовитъ препятствія распространенію среди инородцевъ русской гражданственности и православной вѣры. Если не имѣется въ виду оставлять 80 тыс. населенія на поглощеніе магометанствомъ и сліяніе съ нимъ, то, по моему крайнему разумѣнію, слѣдуетъ признать неотложнымъ принятіе слѣдующихъ мѣръ:

1) Слѣдуетъ зорко слѣдить за разными выходцами изъ Средней и Малой Азіи, а равно паломниками въ восточные мусульманскіе центры и не стѣсняться прибѣгать даже къ строгимъ мѣрамъ, въ случаѣ обнаруженія ихъ вреднаго вліянія.

2) Установить правильный надзоръ за мечетями и школами. Ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ допускать пребыванія при мечетяхъ и школахъ большаго, противъ установленнаго закономъ, количества духовныхъ лицъ.

3) Воспретить печатаніе магометанскихъ книгъ въ частныхъ типографіяхъ и распространеніе недозволенныхъ брошюръ среди немусульманъ.

4) Слѣдуетъ урегулировать вопросъ о должностныхъ лицахъ волостнаго и сельскаго управленій въ мѣстахъ со смѣшаннымъ магометанско-языческимъ населеніемъ.

5) Необходимо принять мѣры къ ослабленію вліянія среды на оканчивающихъ курсъ въ школахъ устройствомъ повторительныхъ курсовъ, книжныхъ складовъ, безплатною раздачею поучительныхъ брошюръ на русскомъ и инородческомъ языкахъ и организаціею праздничныхъ занятій со взрослыми.

6) Для дѣтей мѣстныхъ инородцевъ, весьма мало обрусѣлыхъ и почти незнающихъ русскаго языка, первоначальное обученіе должно происходить на родномъ нарѣчіи, какъ то требуется правилами, изданными 26 марта 1870 г.

7) Такъ какъ школа является пока главнымъ средствомъ христіанскаго просвѣщенія язычниковъ, то необходимо увеличить число школъ, распредѣливъ ихъ болѣе равномѣрно по волостямъ со смѣшаннымъ языческо-магометанскимъ населеніемъ.

8) Дѣятельность сельскихъ учителей въ отношеніи языческаго населенія должна принять миссіонерскій характеръ и направленіе.

9) Независимо отъ упомянутыхъ мѣръ было бы весьма полезно привлечь духовенство къ болѣе живому и энергическому воздѣйствію на инородческое населеніе.

П. Еруслановъ.

Г. Бирскъ, Уфим. губ. 24 Іюня 1894 г.

66

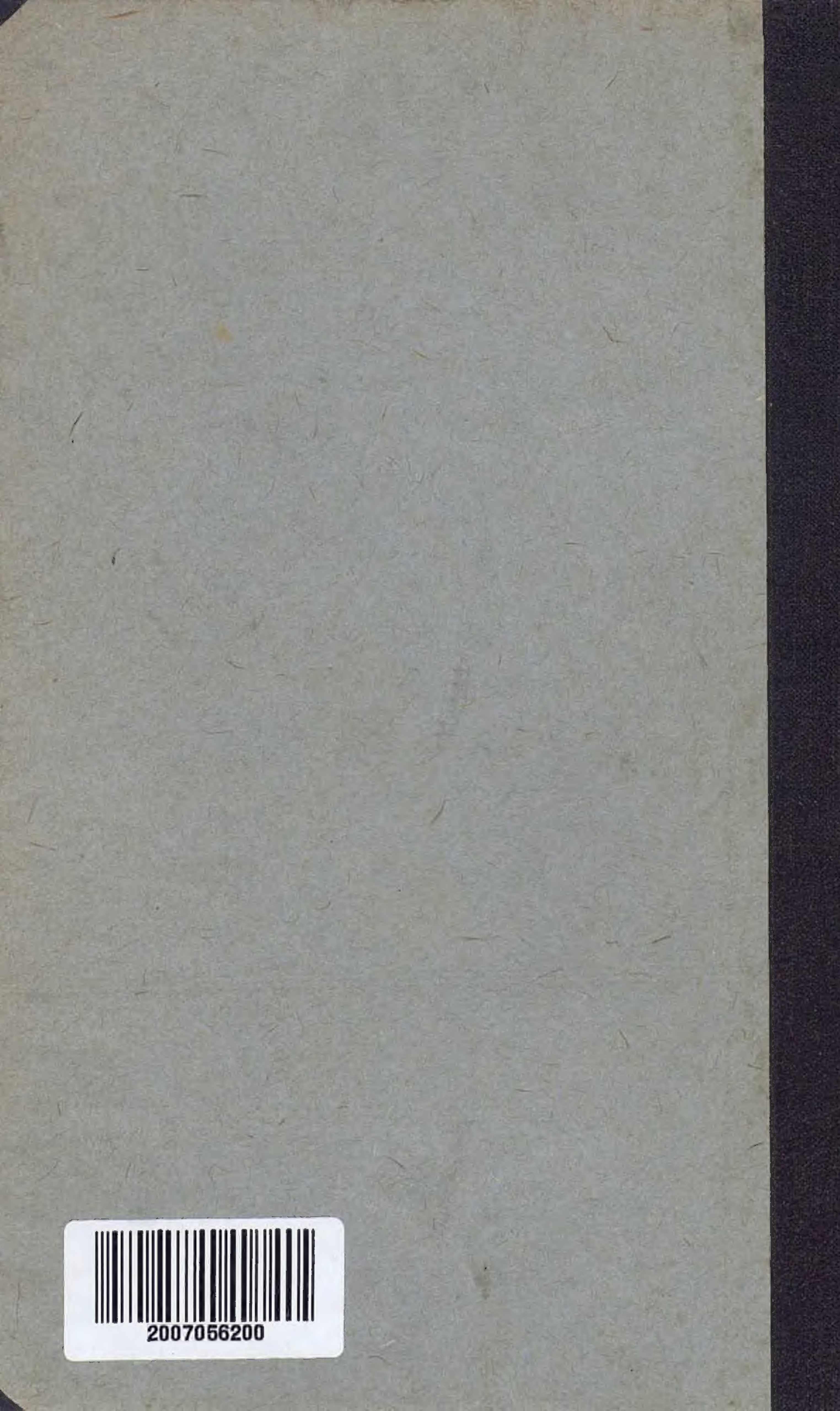
(Изданіе второе).

От Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва, 30 декабря, 1895 года.

Цензоръ священникъ *Александръ Гиляревскій.*

Оттискъ изъ 10 №№ „Православнаго Благовѣстника" за 1895 г.

Печатня А. И. Снегиревой. Остоженка, Савеловскій пер., собств. домъ.

2007056200